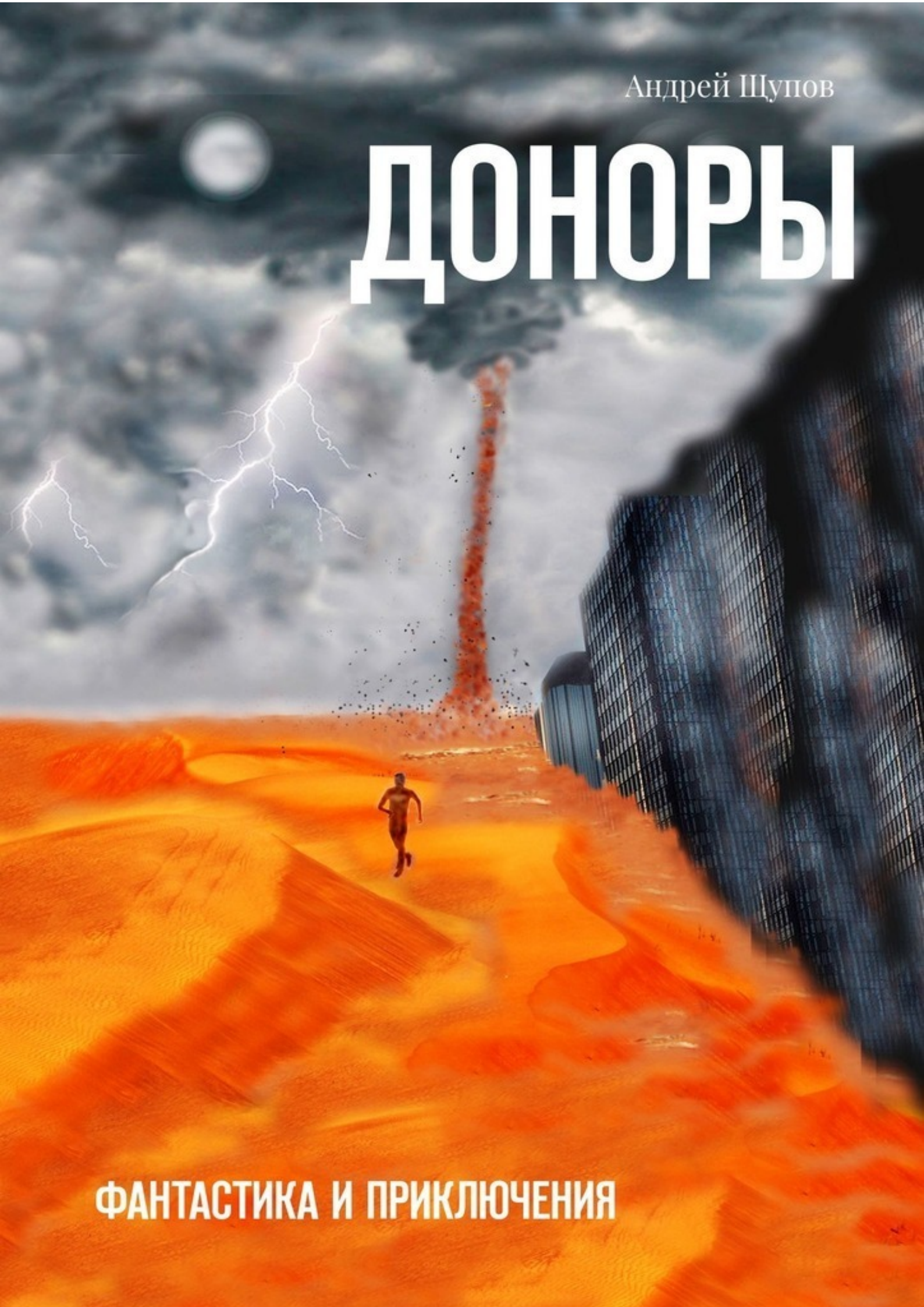

Андрей Щупов

ДОНОРЫ

ФАНТАСТИКА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Андрей Щупов

**ДОНОРЫ. Фантастика
и приключения**

«Издательские решения»

Щупов А.

ДОНОРЫ. Фантастика и приключения / А. Щупов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518007-0

Почему одним в этой жизни везет, а другим как раз не очень? Можно ли вмешаться в этот загадочный процесс и заставить поработать Судьбу на все человечество? Авантюристы-ученые решают, что можно. Именно с этой целью создается команда доноров, привлекающих на свои головы несчастья, предназначенные всему обществу. Как это часто случается, ситуация однажды выходит из-под контроля, и донорам поневоле приходится брать дело спасения людей в свои руки.

ISBN 978-5-00-518007-0

© Щупов А.
© Издательские решения

Содержание

Андрей Щупов	6
ПРОЛОГ	7
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

ДОНОРЫ

Фантастика и приключения

Андрей Щупов

© Андрей Щупов, 2020

ISBN 978-5-0051-8007-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Андрей Щупов

ДОНОРЫ

«Кто сражается с чудовищем, тому следует остерегаться, чтобы самому не стать чудовищем».

Ф. Ницше

ПРОЛОГ

Погоня казалась хищным зверем – чем-то вроде пумы или стаи волков, что с сильным рычанием семенили следом, обдавая спину храпящим смрадом, порой наступая на пятки. Время от времени преследователи задерживались – должно быть, слизывали с земли бордовые, похожие на клюкву капли. Не так уж они и спешили. С самого начала загонщикам было ясно, что беглец обречен. Что называется – гарантированно и стопроцентно.

И все же он сопротивлялся. Боролся и трепыхался как мог. Петлял по заброшенным кварталам, нырял в штольни канализационных колодцев, прятался и маскировался, менял облик, а на ленточных хайвэях выбирал самые сумасшедшие маршруты. Уже не один час беглец боролся за свою жизнь, однако по-прежнему не мог оторваться от преследователей. Левый рукав набряк от крови, где-то вблизи плечевого сустава засела пуля. Вдобавок ко всему ныли ребра после «случайного» столкновения с мотоциклом, а с балкона не самого высотного этажа упавший фрагмент штукатурки едва не разбил ему голову. Мир одновременно встопорщился, всеми своими колючками и шипами норвя поразить беглеца, и с каждой новой минутой в нем крепло понимание того, что с такой кровопотерей и такими ранами он долго не продержится. Приходилось только радоваться, что целыми остаются ноги. Пока он способен передвигаться на своих двоих, сохранялась возможность уцелеть. Призрачный, совсем ничтожный, но шанс...

Мужчина остановился. Впереди его поджидало освещенное пространство – окраинная пустошь, частично поросшая сорной травой, местами заваленная ржавым хламом. Не столь уж серьезное препятствие – всего-то около сотни шагов, однако и на эти шаги требовались силы, требовалось время. Ясно было, что, пересекая означенное пространство, он будет предельно уязвим. И уже нигде не спрятаться, не перевести на минуту-другую дух. Там, за пустырем, угадывались дома, спасительные закоулки, но до них следовало еще добраться. В больших городах не бывает звезд, зато в них полно электрического света. Вот и здесь пустошь освещали расставленные по всему периметру фонари...

Из груди беглеца вырвался стон. Он уже понимал, что произойдет в ближайшие минуты. Возможно, ему удастся добежать до тех чахлах кустов, или даже до завалов из щебня, но и они его не спасут, поскольку лишним временем он не располагал. Эти ребята, конечно же, скоро появятся здесь и, взяв его на прицел, с азартом начнут делать ставки. Разумеется, им повезет, и ковыляющую жертву в считанные мгновения наспигуют пулями. Чего проще – грамотно сопоставить прицел с мушкой, и дернуть спусковой крючок. Любимое занятие мужского населения планеты...

Беглец в панике зашарил по груди перепачканной пятерней, отыскивая рацию. Темный футляр с коротким отростком антенны оказался в ладони.

– Рупперт! – прохрипел он. – Откликнись, наконец! Я ранен, мне нужна помощь. Срочно нужна помощь!..

Рация безмолвствовала, шуршание эфира напоминало шипение разбуженных от спячки змей.

– Тварь ты такая! Я же знаю, ты слышишь меня! Помоги же! На этот раз мне не оторваться. Молодчики Поджера у меня на хвосте... – мужчина рукавом стер со лба пот, лихорадочно огляделся. – Я аннулирую договор, слышишь? С этой самой минуты! К черту деньги, подавись ими! Только заберите меня отсюда!..

Первая пуля взвизгнула над головой, вторая отколола от угла здания, за которым он прятался, приличный осколок. Кирпичная крошка больно хлестнула по щеке, беглецу стало по-настоящему страшно. Рация в руке продолжала испускать равнодушное шипение.

Отшвырнув ее в сторону, мужчина выдернул из-за пояса пистолет и дважды выстрелил в ближайший фонарь. Затея не удалась. Стрелок он был не ахти какой. С таким же успехом

можно было пытаться перемахнуть пустошь единым прыжком. Еще раз взглядевшись в темноту, доносящую до него топот преследователей, беглец всхлипнул. Теперь он уже не сомневался в скором конце. Есть такие моменты, когда точно знаешь, что надеяться уже не на что. И все-таки он решился – спиной толкнувшись от каменной стены, загнанно дыша, помчался по залитому мертвенно-бледным сиянием тротуару к оgrade, за которой начинался спуск к пустоши. И тотчас позади ожесточенно загрохотало. Ночные загонщики не жалели патронов.

Уже за оградой человек споткнулся о балку, курткой зацепился за случайную проволоку, рванувшись, упал. Ткань треснула, но он сумел подняться, неловко пробежав еще немного, перешел на вялый бессознательный шаг. Одна из пуль ударила его под правую лопатку, заставив описать почти полный круг. Еще пара металлических гостинцев вонзилась в грудь, уронила на колени. Прежде чем растянуться на земле, мужчина дернулся от очередного попадания. Пуля, прошившая голову, прекратила затянувшиеся муки.

Спустя несколько минут, подвывая сиреной, на пустошь выкатился джип с полицейской мигалкой. Голубые блики метнулись по стенам домов, по мусорным кучам и неряшливой траве. Держась настороже, из машины выбрались двое в униформе. Один из полицейских, пробежав вперед, склонился над лежащим, внимательно взгляделся в обагренные кровью руки убитого. На правом мизинце офицер обнаружил то, что искал, – массивное кольцо необычной конфигурации.

– Так и есть, меченый птенчик, – полицейский оглянулся на коллегу. – Черный Дик будет доволен. Подопечный благополучно скончался. Если Дик все еще на связи, можешь передать ему поздравления.

– Нет уж... Передавай сам, если хочешь. Мне эти забавы осточертели. – Полицейский, оставшийся у машины, мрачно следил за примыкающими к пустоши зданиям. В руках его тускло поблескивал револьвер.

– Можешь расслабиться, мы им не нужны, – его коллега выпрямился в полный рост, с любопытством задрал голову, глядя на сияющий фонарь. – А ведь не было бы света, мог бы и уйти, как думаешь?

– Не знаю, может, и так. Судя по всему, парень был шустрый. Вон – сколько пробежал.

– О том и толкую. Если бы не освещение – точно бы ушел.

– Надолго ли? Ну, выиграл бы денек-два – и все бы закончилось тем же. Вон, как руку-то ему перебили. Вряд ли этой ночью ему удалось бы выспаться. Истек бы кровью или на другие какие радости нарвался. Так что лучше уж так – сразу...

– Возможно, – напарник кивнул, задумчиво поскреб макушку. – А все оттого, что не учат их как следует стрелять. Дурацкая предосторожность.

– Только не болтай об этом на каждом углу.

– А чего мне бояться? Говорю, что думаю. И чихал я на Черного Дика...

Вернувшись к автомобилю, напарник с кряхтением втиснулся на переднее сидение, щелкнул тумблером машинной рации.

– Вызываю дежурного ОПП. На связи патрульная машина сопровождения.

Откликнулись почти сразу, и полицейский коротко доложил о случившемся. Без особых эмоций, скорее – даже с некоторым облегчением.

– Все верно, мертвее не бывает. Шесть или семь пуль в плечо и тулово, одна в лицо. Судя по всему, на этот раз поработали парни из шайки Поджера. Их тут целая кодла по улицам гарцевала. Насолил им ваш питомец. Двоих, кажется, зацепил из пушки... Ну, да!.. Мы, понятно, не вмешивались... Что?..

Он с усмешкой взглянул на коллегу. Покачав головой, снова поднес к губам микрофон.

– А чего вы от них ждете? Что от этой швали они станут защищаться голыми руками?.. Значит, добыл где-то ствол.

– Олухи, – пробормотал второй полицейский. Прислушиваясь к разговору приятеля, он продолжал следить за улицами. – Вас бы на его место, посмотрел бы я...

– ...Да, рассмотрел. У него «Вальтер». Номер вытравлен, обойма легонькая, как перышко. И в карманах пусто. Все расстрелял – до последнего патрона...

Рация вновь забубнила, в голосе объяснявшегося с патрульной машиной сквозило очевидное раздражение. Продолжая прислушиваться и по мимике товарища догадываясь о смысле произносимого, второй полицейский вновь чертыхнулся.

– Чего им еще надо? Пусть сами приезжают и разбираются! В конце концов, это их подопечный!..

Когда с переговорами было покончено, патрульный расслабленно откинулся на спинку сидения, через распахнутую дверцу свесил левую ногу наружу.

– Ну? – окликнул его коллега. – Что сказали?

– Сказали – сидеть, ждать и курить.

– А еще – чего?

– Еще не дергаться и не проявлять инициативы. Подъедет группа Малькольма, заберет тело. Все как всегда...

– Всегда так не было. Теперь их догоняют быстрее... – полицейский шагнул от лежащего тела, запрокинув голову, вновь обратил взор к фонарю. Со злостью процедил: – А все из-за того, что бедолагу не научили как следует стрелять.

– Брось, ему бы это не помогло.

– Как знать, как знать... – подняв револьвер, полицейский неспешно прицелился и выстрелил. Фонарь брызнул осколками. Джип с напарником, тело жертвы – все погрузилось во мглу...

Глава 1

Десять лет в одном классе, за одной партой – это внушает надежды. Так, по крайней мере, ему казалось еще десяток минут назад. Действительность убедила Виктора Пицценко в обратном. Впрочем, не Виктора уже, а Вилли, в коего превратила его чертова эмиграция. Неизвестно, чего ждал он от этого звонка, но с ужасом Виктор-Вилли вдруг понял, что не в состоянии больше слушать одноклассника. Все эти округло-безличные «ладненько» и «ясненько», прилетающие с того конца провода, не просто раздражали, а вздымали в душе мутное бешенство. Разговору не суждено было стать спасительной соломинкой, напротив, – Виктор еще больше утвердился в правильности выбранного решения. И даже не в правильности, а в некой роковой закономерности. Поскольку все вокруг было перепачкано и перечеркнуто. Все до последней мелочи. Своей очевидной неправильностью поражали мир, эпоха и вся вселенная. Мозг, измученный безуспешным поиском того, что можно было считать правильным, прибег к последнему из оставшихся выходов.

Наивно было ожидать, что беседа с одноклассником поможет. В голосе, журчащем из трубки, сквозило все то же вежливое бездушие. Ешкин ты кот! Да какого рожна он вообще затеял этот разговор!..

Виктор нервно прикусил губу. К нему, столь рано познавшему прелести эмиграции, исколесившему половину Европы, испытывали в отечестве очень уж нездоровый интерес. Хуже всего – что даже самым близким людям передалось это шкодливое любопытство. А как же! – эмигрант, прошедший войну, плен, в итоге избравший местом поселения чужбину. Тут, кто хочешь, почешется. Здешние же новоиспеченные приятели термина «эмиграция» не понимали вовсе. Возможность раскатывать по планете измерялась наличием свободного времени и толщиной кошелька. Не более и не менее. Да и к войнам они относились куда спокойнее. Политические убеждения превращались в нечто осязаемое лишь с приближением к границам нефтяного Востока и той же непредсказуемой России.

А голос продолжал жужжать и жужжать в ухе. Непринужденно объяснив, что живет он «нормальненько», одноклассник переметнулся на тему торговли машинами и компьютерами, и в интонациях его тотчас промелькнули нотки заинтересованности. Виктор стиснул зубы. Это было чересчур! Открыть в друге детства, стопроцентном русском «Ванюшке», местного люмпена-капиталиста – до этого надо было специально додуматься! Не дослушав фразы, он положил трубку.

Вот так, друзья-товарищи-господа... Жизнь – это дружба и жизнь – это любовь, но ни с первым, ни со вторым у него не сложилось. От слова «вообще». Ни здесь, ни там, ни на прекрасившейся родине – в России. Мир с радостными хлопками погружался в болото Тартара, а следовательно, и задерживаться в этом мире не имело особого смысла.

Виктор снова исчез. На потрепанном жизнью диване третьесортного гостиничного номера очутился мужчина по имени Вилли – с седыми, переходящими в неряшливые баки висками, с глубокими, прорезавшими лоб морщинами.

Вялым движением новообразовавшийся Вилли провел ладонью по подбородку. Колючая трехдневная щетина останется, видимо, навсегда. Заставить себя побриться перед намеченным у него просто не хватит сил. Да и кого заинтересует такое пустяковое обстоятельство, что тридцатилетний покойник выглядит на все сорок! Умирать можно в любом возрасте. Были бы, как говорится, под рукой петля и надежный крюк.

Тусклым взглядом он обвел комнату. Серая малометражная берлога, в которой довелось провести не одну тысячу унылых часов, так и останется его последним прибежищем. Тоненько журчала вода в ванной, за стеной страстно переругивалась латиноамериканская парочка. Все было до омерзения знакомо: дешевая гостиничная мебель, пожелтевшие, со следами потертости

стей обои. Кран в ванной протекал с самого въезда сюда, громкоголосые соседи с руганью просыпались, с руганью отходили ко сну. Даже зависший за окном дрон с россыпью миниатюрных телекамер не вызывал у него какого-либо интереса. Мир не просто погибал, он фиксировал свою агонию до последнего кадра, в максимальном пиксельном расширении. «Старший брат» привычно наблюдал за копошением младших братьев, не забывая о вечных своих обязанностях – прикрикивать и подпинывать. Штрафовать за окурки, за внешний вид и прощать за убийства на вполне легитимных войнах – это также входило в его обязанности.

Нет уж, к черту! Лучше – петля и крюк...

Обитатель номера взглянул на простенькую пластмассовую люстру. Ее, конечно, придется снимать, иначе получится неловко – три серых запыленных плафона и под ними он – нелепое синелинее создание, показывающее миру вздувшийся язык. Без особых усилий Вилли попробовал представить себя стоящим на шатком стуле с обвившей шею веревкой. Попробовал, но не смог. А вот у Виктора это получилось без особых проблем. Прелестная картинка – даже в цвете и с присутствием не самых приятных запахов!.. Но что же дальше, дружок? Какие-нибудь мудрые мысли напоследок или небольшая проникновенная речь? Что же вы предпримите в свою последнюю минуту, сеньор? Что скажете такого, что следовало бы услышать безмятежным потомкам? Горькое признание, повествующее о том, что жизнь полна помоев, что хороших людей меньше, чем плохих, и что за долгие годы, можно сказать, десятилетия, он, Виктор Пиццеренко, мужчина с высшим образованием, не урод и не лодырь, прошедший огонь, воду и медные трубы, так и не обзавелся ни одним мало-мальски приличным товарищем?

Впрочем... Вилли тут же вспомнил о Майкле. Микки или Майкл – звать можно было как угодно, в зависимости от настроения, был ему неплохим товарищем. Он скверно поступил, что забыл Майкла. Тот, в самом деле, очень по-доброму к нему относился. Викки и Микки образовывали в совокупности довольно симпатичный дуэт, в унисон роняющий слезу по временам «Beatles» и «Queen», неплохо исполняющий последнюю песню «Варяга», «Yesterday» Пола Маккартни и даже гремуче-веселое «Взвейтесь кострами».

Да... Майкл, пожалуй, и впрямь огорчится, когда узнает о случившемся. И на похороны обязательно явится. Посочувствует ему и себе, потому что только с Вилли у него получались настоящие «рашен загуль». Эти самые «загуль» Микки чрезвычайно уважал, видя в них одно из таинств великой северной державы. К таинствам подобного рода он желал приобщаться примерно раз в месяц, и раз в месяц с германской пунктуальностью он заявлялся к Вилли с сумкой, набитой всевозможной закуской, а также с неизменной литровой бутылкой виски. О своей очередной готовности к «загуль» он не забывал известить Вилли заранее. К подобным мероприятиям он готовился ответственно, чрезвычайно опасаясь возможных препятствий. По его мнению, секрет посвящения в таинство выходец из России знал доскональнейшим образом. Других русских знакомых у Майкла не водилось, и так уж получалось, что месяц от месяца дружба их крепла. «Без загуль ви такие же как ми, – вещал Майкл. – Скучни, жадни сухарь. Кретини и жалки идиёты...» Вспомнив изречение приятеля, Вилли невольно улыбнулся и тут же с досадой отметил, что Виктор в нем по-прежнему силен. И Виктор этот отчаянно не хотел умирать, цепляясь за любые несуразности, чтобы хоть как-то задержаться на этом далеко не белом свете. Снизойдя до собрата, Вилли великодушно предложил ему привести сколь-нибудь убедительные доводы в пользу продления жизни.

Летиция? Но и с ней тоже не склеилось. Умопомрачительной женщине требовались столь же умопомрачительные мужчины, к числу которых Виктор явно не принадлежал. Быстро и ослепительно сошлись – также стремительно разбежались. Умная и прозорливая, Летиция безошибочно провела дешифровку его личностного кода, в считанные дни распознав, что «король-то голый». Аура несостоявшегося принца рассеялась, чувства сошли на нет. А значит... Сколь-нибудь убедительных доводов в пользу жизни больше не оставалось.

Тем не менее, петлю и крюк Виктор отверг. Очень уж легко нарисовало его воображение, как, опрокидывая под собой стул, он рушится вниз, подгоняемый зовом земли, распахивая рот, судорожно напрягая мышцы спины и шеи. Вышедшие из повиновения руки будут скользить по веревке, силясь подтянуть задыхающееся тело, ноги, пожалуй, сами собой закинутся на край шкафчика, стоящего неподалеку, тем самым ослабив нагрузку вдвое, а там, глядишь, хитрец-Вилли дотянется и до чертового крюка. Спасти ему скорее всего не удастся, но помучается он капитально.

Словом, вариант абсолютно не годился. Лучше уж разбежаться барашком-забиякой и сигануть в окно головой. Можно даже и чертов дрон попытаться облапить, утянуть за собой. Впрочем... Видел он в своей жизни и повешенных и выбросившихся из окон. И те, и другие имели вид, мягко говоря, непрезентабельный. Ему-то, конечно, будет уже все равно, но не хотелось пугать тех, кто останется здесь. Они-то, если вдуматься, были совершенно ни причем.

Зажмурившись, Вилли полюбовался своим возможным полетом. Ноги как у финиширующего велосипедиста, лицо и руки во множественных порезах от стекол. Хотя, вероятно, бултыхать ногами он не будет. Лететь вниз – дело привычное, что с парашютом, что без. Не дай только бог угодить на какого-нибудь случайного пешехода. То-то будет причитаний в местной прессе: «свихнувшийся эмигрант-камикадзе убивает невинных граждан!»

Качнув головой, Вилли забраковал и этот вариант. В самом деле, пошло и скучно – сигать из окон. Да и на кого он будет похож там, на лошеном европейском тротуаре? Мокрое месиво без лица, без единой целой косточки, с расколотым черепом и выпученными от внутреннего взрывного давления глазами. А если поблизости окажутся дети?.. Его передернуло. Вода в ванной зажурчала звонче, на более высоких тонах закричали соседи за стеной.

Вилли вновь погладил заросший подбородок, ногтями попытался уцепить какой-нибудь волосок, но не сумел.

Однако, мыслеохотливый сеньор, этак вы ни к чему не придете! Если действовать, то действовать следует решительно, без раздумий!

Несколько оживившись, Вилли в последний раз obeжал глазами комнатку. Через час-другой сюда явится посыльный от хозяина, принесет бледно-желтую квитанцию счета. А чуть позже, вполне возможно, ворвутся гаврики из казино и ножами начнут полосовать по груди и спине, с азартом месить тело должника ногами. Сумма-то у них до сих пор на счетчике. Сколько там всего набежало? Должно быть, прилично...

Не очень искренне зевнув, он посмотрел на столик, где внушительной пирамидкой лежали таблетки асептозола. Хитрец, ничего не скажешь! Заранее предусмотрел все. А может, не предусмотрел – предощутил. Мозг в подобных обстоятельствах мало чего стоит... Прозорливый Вилли застенчиво вздохнул, укрывшийся в недрах души Виктор грязно выругался. Как бы то ни было, но средством для трусов он запасся заранее, еще не зная, воспользуются этим или нет.

Итак, кулисы раздвинуты! Заключительный акт пьесы так и назовем – «Средство для трусов»! А всех зрителей поблагодарим за долготерпение и просим подождать еще несколько минут. Даже тех, кому уже срочно надо в отхожее место или в ближайший магазин за пивом и чипсами. Хозяин номера прямо услышал, как сучат ногами самые нетерпеливые, как мысленно подстегивают и подталкивают к заключительному шагу. Да когда ж ты, козел, сдохнешь! Решайся, дьявол тебя заberi!

– Ничего, подождёте! – злобно прохрипел он. Голос в пустой комнате прозвучал громко и некрасиво. Даже крики за стеной на мгновение стихли.

В самом деле, бегство из жизни – всегда трусость. Это почти аксиома. Так почему не воспользоваться соответствующим снадобьем? Не каждый сумеет, как Хэмингуэй...

Вилли придвинул к себе поближе графин с водой, потянулся к таблеткам.

– Не опоздать бы, – Люк бросил взгляд на часы и дробно пристукнул каблуком. Это была его вторая операция и он заметно нервничал.

Таппи намеренно неторопливо пошевелился в своем кресле, меняя позу, рассеянно прищелкнул пальцем по висевшей на поясе рации.

– Не спеши, парень. За ним наблюдают в сорок четыре глаза. Три камеры в номере, датчики на одежде и дрон за окном. Когда понадобится, тебе свистнут. А до того времени сопи себе в две дырочки и не булькай...

Его перебил короткий гудок рации.

– Внимание, восьмой и четырнадцатый! Где вы?

– Здесь мы, Рупперт, – Таппи поднес рацию к губам. – В десяти шагах от его комнаты.

– Следите за физ-каналом?

– То есть...

– Чип под мышкой, забыл уже? Анализ крови, дыхание, пульс – и все прочее... Короче, клиент почти готов!

– Не понял? Он вроде сидит, буклет какой-то в руках держит...

– Ослы! Он в отключке! Принял таблетки – и уже практически в коме. Еще немного, и отбросит копыта. Малькольма я уже выслал. Так что вперед, мальчишки!

– Ясно, – Таппи вскочил с места, отработанным движением зафиксировал рацию на кожаном поясном ремне.

Магнитные ключи были изготовлены заранее, и дверь высаживать не пришлось. Ворвавшись в номер, они миновали темный коридор и бросились к человеку, сидящему на диване. Голова бессильно свесилась на грудь, остекленевший взгляд устремлен в никуда, в руках и впрямь какая-то дешевая реклама – они попали туда, куда нужно. Сипло выдохнув, Вилли Пиццеренко повалился набок, на непрошенных гостей никак не отреагировал.

– Готовь антидот! – Таппи рывком перевернул мужчину на спину, рукой в резиновой перчатке проверил рот клиента, умело вставил пластиковый раструб. – Все, не задохнется.

– Сколько он их сожрал, интересно?

– Сколько ни есть, а лучше вытряхнуть из него эту дрянь прямо сейчас.

– Опять перепачкаемся, – шумно пыхтя, агент подставил пластиковую посудину. Клиента вновь стали переворачивать – теперь уже на живот.

– Тяжелый, зараза!

– Ничего! Сейчас полегчает... – Люк попробовал надавить потерпевшему на поясницу, но неожиданно пробудившаяся жертва с мычанием ударила его кулаком в живот. Следующее, что сделал Вилли, это ухватил за ступню второго агента, с неожиданной силой крутанул вокруг оси. Иstorгнув изумленный вопль, Таппи опрокинулся на пол. Влетевший в комнатку с чемоданчиком и шприцем наготове Малькольм в нерешительности попятился.

– Долг вам нужен, да?.. – клиент, только что напоминавший мертвеца, силился подняться. – Будет вам долг... Все верну. Сполна и сторицей...

Искристо протрещал разрядник Люка, и одновременно Таппи вонзил миниатюрный шприц в ногу клиента. Несостоявшийся самоубийца с мычанием повалился на диван, пятерней попытался еще ухватить ближайшего недруга, но не дотянулся, обмяк на полпути.

– Вот же буйвол! – потирая грудь, Таппи поднялся с пола.

– Чувствую, насчет комы Рупперт пошутил, – поддакнул Люк. – Наверняка потешается сейчас у экрана.

– Да уж... – Таппи воздержался от комментариев. Вместо этого хмуро взглянул на Малькольма. – Ну? Чего стоим? Работаем!

Кивнув, доктор шагнул к клиенту, привычно распахнул кейс.

Глава 2

Он все еще не понимал, что им понадобилось от него. Лишь догадывался, что спасение в гостиничном номере было организовано неспроста. То есть, в самом начале он вообще об этом не задумывался. Слишком плохо себя чувствовал. Когда умирают, о второстепенном не размышляют. Это позднее в голове закрипели и заскрежетали аналитические шестеренки, и нелепые версии стали выпекаться одна за другой, а в первые часы он погибал самым противоестественным и некомфортным образом – героически мучился от тошноты, судорог и прочих прелестей того же порядка. Здешние служащие действовали решительно и бесцеремонно: промыв пациенту желудок, напичкали антибиотиками, и около суток он провел без сна, исходя потом, содрогаясь от мучительных спазмов. Размышлять над смыслом происходящего Виктор (а теперь он был Виктором и только Виктором, потому что снова жил и хотел жить) начал только сегодня, когда боли наконец отступили, и впервые он самостоятельно прошествовал по длинному больничного цвета коридору до комнатки, где положено справлять нужду.

Чем можно напугать человека, еще совсем недавно покушавшегося на собственную жизнь? Оказывается, имелись и такие вещи. Кто-то в больничной палате вполне серьезно назвал его донором. Нельзя сказать, что душа у Виктора ушла в пятки, но мысленно он тут же напрягся. В руках невидимых барабанщиков замелькали стремительные палочки, организм сыграл всеобщий сбор. Как всякий обыватель, он был наслышан об ужасах подпольных трансплантаций. Бессердечные охотники бродили черными призраками среди беспечного населения, высматривая среди граждан особей наиболее подходящих по заказываемым параметрам. Вероятно, и он мог им вполне подойти. Не наркоман и не калека, не алкаш и не инфицированный бродяга. К тому же – безработный эмигрант с минимальным количеством знакомых, человек, о котором не всполошатся родные и близкие. Так или иначе, но подобное предположение вызвало у него откровенную дрожь. Приведись Виктору выбирать, он, не колеблясь предпочел был выстрел в висок, нежели перспективу превратиться в объект кражи собственных органов. Кости, глаза, кожа, почки, селезенка, сердце – все сегодня продавалось и покупалось, хотя, сказать по правде, в подобные преступления ему до сих пор плохо верилось, столь черными они казались. По крайней мере, окажись это правдой, Виктор и сам, изведав на войне самое страшное, согласился бы уничтожить черных хирургов десятками и сотнями. Суд для таких, по его мнению, был излишней роскошью. Существов, без содрогания взрезающих на прозекторских столах похищенных детей с их нежнорозовыми внутренностями, способными омолодить какого-нибудь стареющего мафиозо, Виктор попросту не причислял к категории людей. Потому что есть грешки и есть грехи, есть проступки, и есть преступления. За одно нужно осаживать, за другое – исключительно карать.

Уже через несколько часов он был готов действовать и с трудом сдерживал себя, чтобы не выдать раньше времени возвращающихся сил. Еще и вооружился крохотным ланцетом, беспечно оставленном на столике дежурной сестры.

К великому удивлению, руки у него так и оставались свободными, никто особо не следил за ним, и когда он, нарочито покачиваясь, добрал в первый раз до выхода с этажа на лестницу, охрана не остановила пациента окриками, а за спиной его не защелкали взводимые курки. Тогда окольными путями к Виктору вновь вернулась мысль о казино. Он побывал там всего раз, но успел угодить в ловушку, в которую попадают лишь отъявленные простофили. Виктор проиграл последние деньги и еще остался им должен. Не то чтобы очень уж много, но вполне достаточно для получения власти над человеком, когда в страхе перед грядущим должник соглашается на что угодно. Кроме того, его сразу предупредили о процентах, и если посчитать, то к этому дню сумма должна была набежать весьма изрядная.

Как бы то ни было, но зловещее словечко «мафия» вертелось в голове все назойливее, вытесняя гипотезу о мультитрансплантации и ее кровавых служителях.

Но коли так, если он должник, тогда хотелось бы понять, в каком качестве его поместили сюда? Надеялись поставить на ноги, а после предложить отработать долги? Тоже мало походит на правду. Да и место это напоминало больницу лишь отчасти. Впрочем, не походило оно и на казематы, где порой месяцами отбывают срок похищенные заложники. Разгуливая по просторным коридорам, Виктор все более запутывался в своих невеселых предположениях. И когда вечером за ним явился высокого роста санитар, он ощутил смутное облегчение.

– Вас ожидает Дик Рупперт, – пояснил великан и кивком предложил пациенту следовать за ним. Названное имя Виктору ни о чем не говорило, однако он покорно двинулся за санитаром. Ланцет, тем не менее, перехватил в правую руку, скрывая под рукавом. Что-то подсказывало ему, что крохотное оружие вряд ли понадобится, но верить – верь, а о мерах предосторожности не забывай. Собственная жизнь по-прежнему мало чего стоила в его глазах, однако и позволять рвать ее на куски чужими руками он не собирался.

– Забудь о казино, парень! Мы не мелкая шушера, мы – вполне себе законное предприятие и работаем в самом тесном контакте с правительственными органами. – Дик Рупперт стоял у окна, отчего Виктор не мог как следует его рассмотреть. Впрочем, и тот силуэт, который он созерцал, внушал определенный трепет – рыхлая громада под два метра с массивными плечами, с ястребиным профилем и ручищами, как у орангутанга. Голос был под стать фигуре. Рупперт говорил, совершенно не напрягаясь, однако рокочущий его баритон царствовал в кабинете, заполняя пространство до последнего кубического сантиметра. Временами в низкой раскатистой хрипотце слышался неприятный металлический лязг, и лязг этот более чем красноречиво выдавал отношение ко всему произносимому и к тем, кому адресовались сказанные слова. Возникало ощущение, что Рупперт снисходит до собеседника, втолковывая банальные вещи на банальном, привычном случайному гостю языке. О подобных голосах и подобных интонациях, вероятно, во все времена мечтали инквизиторы и мастера пыточных дел, дипломаты и юные командиры взводов. В сущности Рупперт и был командиром. Во всяком случае, замашки его вполне подходили под ранжир командирских. В мирной жизни подобных субъектов именуют «босс», «шеф» или как-нибудь в том же духе, и при всей своей внутренней встопорченности Виктор чувствовал, что возражать Рупперту ему не слишком хочется. Беседуя с ним, хозяин кабинета все так же стоял у окна, время от времени прихлебывая из бутылки, наполовину прячущейся в огромной ладони. Виктор видел лишь темно-коричневое донце и увенчанное колечком пены горлышко.

– Так что вам от меня нужно? – Виктор постарался, чтобы голос прозвучал твердо, и все равно сравнение оказалось не в его пользу. «Блеяние овечки и рык тигра», – со злостью определил про себя он сам. Пытаясь компенсировать акустический недостаток, Виктор более вольготно развалился в кресле, вытянул и скрестил ноги. Манера Рупперта вести разговор, не отходя от окна, начинала его всерьез раздражать. Отчего-то припомнились фильмы, где следователи допрашивали арестованных, наводя на них слепящий свет ламп. Рупперт к электричеству не прибегал, но и законным мутнеющим сиянием не брезговал.

– Я уже сказал: мы работаем на закон. Фактически мы – та же полиция, но... – Рупперт поставил опустевшую бутылку на подоконник и скрестил на груди руки. – Дело в том, парень, что поле нашей деятельности более специфично. Если полицию можно определить как симбиоз закона и дубинки, то мы сочетаем иные ингредиенты.

– Иные? Это какие же?

– Скажем так: пулю и науку.

– Обходя закон, на который вы работаете, стороной? Так вас надо понимать?

– Замечательно!.. А ты, надо признать, складно научился говорить по-английски! – Рупперт хмыкнул, оставляя таким образом выпад Виктора без внимания. – Даже не подумаешь, что русский.

– Так как там насчет закона?

Словно осуждая его напористость, Рупперт покачал тяжелой головой.

– Ты ошибаешься, парень. О законе я выразился совершенно ясно. Мы не только с ним дружим, но, смею надеяться, в самом скором времени сумеем превратиться в его основу. Хотя это не совсем то, о чем я собирался с тобой толковать. Речь ведь идет не о нас, а о тебе, – Рупперт поерзал обширным задом по подоконнику. – Попробую выразиться проще: чего ты хочешь и что ты имеешь? Давай начнем плясать от этого. Кое-что мы о тебе разузнали, и потому могу твердо сказать, что имеешь ты, парень, не очень сладкое прошлое и примерно такое же безрадостное будущее. Вот почему ты уже ничего не хочешь и сам вызвался добровольцем, отправляющимся в ад. Сделаю небольшое признание: так вышло, что моя служба как раз нуждается в подобных волонтерах. Выходцев из России у нас еще не было, – собственно, потому я с тобой и беседую. Но я полагаю, ты нам вполне подойдешь. Думаю, подойдем тебе и мы. Во всяком случае, наше предложение, без сомнения, тебя заинтересует.

– Вы настолько в этом уверены?

– Практически на все сто, – громыхнул голосом Рупперт. – Рассуди сам, твоя жизнь стала тебе в тягость. Фактически ты от нее уже отказался. Мы вмешались в самый последний момент и потому на спасенную жизнь вправе предъявлять определенные претензии.

– Право на мою жизнь?! – Виктора даже подбросило в кресле.

– Поправка к законам штата под номером Джи-2457. Вряд ли ты о ней слышал, но, поверь мне, она существует. Ты порвал свое индивидуальное право, когда проглотил те чертовы таблетки. Еще немного, и тебя бы пришлось кремировать. Тоже, кстати, за счет государства! Но мы вмешались и спасли тебя.

– Да кто вас просил вмешиваться? Это было частным делом, касающимся только меня и никого больше! Ешкин кот! Чьи-то права на мою жизнь... Подумать только! Да пошли вы к дьяволу со всеми своими предложениями!

– Прекрасно тебя понимаю, парень, – Рупперт благодушно махнул рукой. – Но поверь, я знаю и другое: жизнь – штука переменчивая. Сегодня тебе плохо, а завтра, может статься, ты ужаснешься содеянному в прошлом и начнешь все сызнова – как говорят, с чистого листа. Так что искомое «завтра» сейчас полностью в твоих руках. Как решишь, так и будет. Откажешься сотрудничать с нами – пожалуйста. Возвращайся в свою конуру и ломай голову над тем, как расплачиваться с кредиторами. Или доводи свое маленькое предприятие до конца. На этот раз никто тебе мешать не будет, даю слово. И даже таблетки вернут. Их там, по-моему, много еще осталось – как раз хватит. Я уже сказал: выбор за тобой.

Виктору показалось, что Рупперт улыбается. Мавр сделал свое дело, и мавр самодовольно ждал сдачи позиций. Наверняка, подразумевался вопрос: «А что можете предложить мне вы, мистер Рупперт?» Виктор упрямо сжал челюсти. Надо будет – объяснят и без его заискивающих просьб...

Некоторое время Рупперт, в самом деле, молчал. В конце концов, шевельнул крупными плечами, одобрительно заметил:

– А вы мне нравитесь, Вилли. Ей-богу, мы можем сработаться.

Впервые он назвал Виктора по имени и обратился к нему на «вы».

– Так вот, Вилли, взамен мы хотели бы предложить вам работу. Работу весьма необычную, сопряженную с определенным риском. Скажу прямо: возможно, мы даже предлагаем вам смерть, поскольку никто не гарантирует счастливого исхода. Но многое будет зависеть от вас. Повторяю: летального исхода никто не исключает. Однако даже в этом случае подобная гибель

не будет похожа на то постыдное мероприятие, что затевалось в гостиничном номере с горсткой зажатых в ладони дамских транквилизаторов.

При этих словах Виктор невольно покраснел. Рупперт же продолжал как ни в чем не бывало:

– В нашем деле смерть носит по-настоящему мужской характер. Зачастую это смерть героическая, а главное, далеко не бессмысленная. Наши волонтеры погибают на боевом посту, как погибает солдат, защищающий свою родину. Они помогают родному городу и делают этот мир чуть чище и светлее. Кроме того, смерть вовсе не обязательна. Семьдесят процентов сотрудничающих с ОПП, как правило, остаются целы и невредимы. В случае ранений мы, разумеется, предоставляем экстренную медицинскую помощь. А в квалификации наших врачей, думаю, вы успели убедиться. Или я не прав?

Виктор скупо кивнул.

– Вот и замечательно, что вы не возражаете. Мы сами заинтересованы в успешном исходе. Вы же, выполнив предписанную контрактом работу, станете обладателем кругленькой суммы в сто тысяч долларов.

– Сто кусков?

– Именно!

– Но вы до сих пор не разъяснили мне сути работы.

Рупперт грузно отошел от окна и опустился в кресло напротив. Лицо у него оказалось гладким, неприятного желтоватого оттенка. Глаза ничего примечательного собой не представляли. Главной деталью внешности Рупперта оставался его хищный ястребиный нос.

– Мы называем это «работать донором», Вилли.

– Донором?

– Именно так. Ибо по сути своей – это ни что иное, как чистой воды донорство. Нет, нет!.. Вы снова меня неверно поняли. Речь идет не о переливании крови и каких-либо трансплантациях. Вы делитесь с человечеством не кусочками кожи и не глазной роговицей, вы делитесь с ним спокойствием и счастьем.

– Не понял?

– Да, Вилли, я не шучу. Спокойный ток жизни – это тоже своего рода капитал, и, как всяким капиталом, им вполне можно поделиться. Вы, конечно, можете заявить, что в вашем случае никаким спокойствием не пахнет, но уверяю вас, вы попадете впросак. В том и заключается парадокс, что даже тогда, когда человек не в состоянии помочь самому себе, он может помочь окружающим. Хотите примеры – пожалуйста! Человек, неизлечимо больной, собирается с духом и отправляется устранять опасную утечку на какой-нибудь атомной станции. Ничем не ухудшая собственного безнадежного положения, он оказывает неоценимую помощь другим людям.

– Вы собираетесь предложить мне службу на урановых рудниках? Или хотите, чтобы я таскал на заливке нитроглицериновые запалы?

– Вы чересчур спешите с выводами, – Рупперт с ухмылкой поскреб поросшую темным ежиком макушку. – Не следует понимать меня столь буквально... То, чем занимается наша служба, достаточно ново и невероятно. Собственно говоря, мы эксплуатируем открытие, до сих пор как следует не изученное, но которое уже сегодня способно приносить обществу ощутимую пользу. Возможно, с точки зрения глобальной этики мы не совсем правы, но я не принадлежу к числу краснеющих по любому поводу моралистов. В конце концов, человек тысячами разжигал огонь и поджаривал пищу, согревая продрогшую плоть. При этом он знать ничего не знал о плазме, ее физической природе и невероятном диапазоне возможностей. Нечто подобное происходит и сейчас. Сегодняшний огонь нашего открытия спасает правопорядок в городе, спасает конкретных граждан, а все остальное второстепенно.

– Что за скверная привычка ходить вокруг да около? – не выдержал Виктор. – Скажите прямо, чего вы от меня-то хотите?

Рупперт поморщился.

– Прямо, криво... Если бы все было так просто, мда... – он шумно вздохнул. – Все верно, в будущем мы намереваемся сажать наших потенциальных доноров перед компьютерами. Знаете, бывают такие обучающие программы – надеваете очки с наушниками, подключаетесь к компьютеру, и через считанные минуты получаете все необходимые сведения. Да, думаю, так будет значительно проще, и мы обязательно дойдем до этого уровня, но, увы, пока приходится работать по старинке. Тем более что не все и не всем можно объяснить примитивными алгоритмами. Опять же, специалистов, что станут разрабатывать подобные программы, также нужно посвящать в нюансы нашего открытия, а это связано с риском утечки информации. По достаточно веским причинам мы все еще вынуждены соблюдать режим секретности.

Глаза Рупперта изучающе взглянули на Виктора.

– Вы представляете себе, что такое фактор риска?.. Нет, не спешите с ответом! Наперед заверяю вас: ничего об этом самом факторе вы не знаете. Более того, даже мы о нем знаем немногим больше вашего, однако с помощью специальной аппаратуры мы способны изменить ваш индивидуальный фактор, увеличив до предельного уровня. Такой вот забавный парадокс... – руки Рупперта пришли в движение. – Попробую объяснить иначе. Итак, вообразите себе замкнутую систему. Скажем, десяток среднестатистических жителей города. Фактор риска одного из них искусственно увеличен. Что произойдет в таком случае?

Виктор неопределенно пожал плечами.

– А произойдет, Вилли, удивительная картинка. Все беды и несчастья девятерых автоматически переключаются на испытываемого десятого. Так солнечный свет, равномерно рассеиваемый по поверхности, с помощью линзы фокусируется в одной крохотной точке. Всем вместе им было просто тепло, но одному станет чертовски жарко. И он молодец – этот десятый! Он замечательный парень, потому что собственной грудью закроет амбразуру, огонь из которой косил всех подряд. Еще один хороший пример – молния. Она бьет в самое уязвимое место – в какое-нибудь дерево или холм, но за счет одиночного энергетического всплеска разряжается разом целая серия туч и целая долина. И точкой удара выбирается опять же место с максимальным противоположным зарядом. Вместо тысячи хаотичных и крохотных молний, получаем одну, но в миллионы ампер.

– Не очень понимаю, к чему вы клоните?

– А я не клоню, я все уже объяснил. Мы в состоянии создавать подобную фокусировку и творить подобие таких холмов и деревьев. Да, да, Вилли! Медленно, но верно, наука добрела и до этих тайн. Человек, наделенный максимальным фактором риска превращается в своего рода молниеотвод. Он спасает своих соседей, но на какое-то время вынужден претерпевать определенные неудобства.

Виктор не удержался от усмешки. Все это очень напоминало гадание цыганки. Размеренная речь вещуньи, и доверчивый взгляд простачка. Да только он-то – не простачок! Лузер, неудачник – возможно, но только не простачок!

– Что за чепуха! Вы всерьез верите в то, что сейчас говорите?

– Я не верю, я знаю, – Рупперт терпеливо кивнул. – И это отнюдь не чепуха.

– Бросьте! Конечно же, чепуха. По счастью, манипулировать бедами не в состоянии пока никто. Это не камушки, что можно пересыпать с ладони на ладонь.

– Совершенно верно, не камушки, – Рупперт улыбнулся. – И тем не менее, к означенному явлению мы сумели подобрать ключик. Вероятно, не самый универсальный, но кое-каких результатов с помощью этого ключика мы уже достигли. В той самой системе, которую я вам описал, девятеро из десятерых будут страдать значительно меньше. Разумеется, за счет воз-

росших мучений десятого. Такая вот немудреная рулетка. Суровая, согласен, но общий баланс поддерживается именно подобной несправедливостью.

– Кажется, я понял. Вы предлагаете мне стать этим десятым?

– Совершенно верно. И только на одну-единственную неделю. Большого срока вам не выдержать. Ровно одну неделю при поддержке всех муниципальных служб вы будете оберегать этот город от различного рода неприятностей.

– Почему только город? почему не всю страну, не весь земной шар? – Виктор язвительно улыбнулся. – Давайте уж поднимем планочку выше, чего там скромничать?

– Не ерничайте, Вилли. Вы сами, должно быть, догадываетесь. Вспомните пример с фокусирующей линзой. Чем большую площадь вы пытаетесь охватить, тем вернее сгорите от невыносимого жара. Само собой, никаких норм в данной области никто еще не разрабатывал. Да и наша компетенция пока не распространяется столь широко, хотя со временем, уверен, именно так все и будет. Когда-нибудь мы дорастем до масштабов страны и целой планеты. Возможно, даже при моей жизни. Но пока, если можно так выразиться, мы – пионеры-первопроходцы. В этой области остается масса неизвестного, и потому мы предпочитаем не слишком спешить. Фактор риска существенно меняет ваше силовое поле, однако отличие среднего донора от обычных обывателей позволяет экспериментировать без особых потерь.

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что опасность, которую мы все зачастую не замечаем по множеству естественных причин, наш подопечный всегда готов встретить лицом к лицу. Вы будете вооружены знанием предстоящего, а потому имеете реальные шансы уцелеть. Уместно напомнить, что мы не прибегаем к помощи случайных персоналий. Как правило, мы подбираем людей с надлежащей биографией и подходящими навыками, и вы тому отличное подтверждение. Донором не может быть убогая старушка, и подбор кадров является важнейшим условием успеха всего предприятия, так как работа наших подопечных сродни работе каскадера или даже сапера. Но главное, как я уже пояснил, это то, что физически и морально доноры готовы к жестокой борьбе. Иными словами – там, где рядовых граждан караулит катастрофа, граничащая с гибелью, подготовленный донор обычно отделяется легким испугом.

– Очень уж просто вы это произносите – «легким испугом».

– Так оно и есть. Если вы убеждены в неизбежности атаки, вы заранее сгруппируетесь, избрав оптимальный способ защиты. К тому же – вы отнюдь не семилетний ребенок и не дряхлый полуслепой старичок. Не забывайте: приступая к работе донора, вы защищаете именно их. В данном случае трудности могут быть самыми незначительными. Многие из них вы попросту не заметите. К примеру, тот же ребенок по невнимательности может шагнуть под машину, вывалиться из окна, потрогать змею или таранула. В вашем случае это, разумеется, исключено. Какой-нибудь инвалид может споткнуться и, падая с лестницы, сломает себе ключицу или даже разобьет голову. Ваши кости куда крепче, да и лестниц с шаткими перилами вы, по всей вероятности, будете избегать. А также – крыш, подвалов, оживленных улиц и много-много другого.

– И все же, насколько я понял, тридцать процентов ваших подопечных погибают?

Рупперт развел руками.

– Это и есть тот оправданный риск, за который мы щедро платим. Мы стараемся помогать своим людям по мере возможностей, но основная сила – они сами.

– Стало быть, семь дней я должен держаться настороже, глядеть в оба и быть готовым к самому непредвиденному?

Рупперт кивнул.

– Но я еще не оправился от этих проклятых таблеток. Много ли я навоюю в таком состоянии?

– Об этом не стоит волноваться. Наши медики творят чудеса. Не думаете же вы, что служба ОПП посылает на улицы недееспособных доноров? Более других мы заинтересованы в вашем долговременном успехе, а значит, и в вашем здоровье. Вас снабдят всем необходимым – вплоть до специальной одежды и концентрированных продуктов питания. Вы получите рацию и всегда сможете связаться с дежурным службы.

Виктор на секунду зажмурился. Переварить услышанное было непросто.

– Объясните мне, что такое ОПП?

– Отдел профилактики происшествий. Наверное, не самая удачная аббревиатура, но в дальнейшем мы придумаем что-нибудь более благозвучное. А пока многие наши начинания пребывают в стадии эксперимента. Это что-то вроде вакцины, проходящей многократное тестирование. Могу лишь сказать, что специальная комиссия при муниципалитете внимательно следит за нашими результатами, и пока оценки ее достаточно высоки. Благодаря нашей деятельности – количество преступлений и несчастных случаев в городе поразительно ничтожно. Особенно это заметно в сравнении с нашими ближайшими соседями.

– Вы хотите сказать, что мы – единственный город, практикующий подобное донорство?

– Единственный город и единственная служба! Все держится в строжайшем секрете, и это понятно. Пока набирается статистика, разглашать данные опыта в каком-то смысле даже опасно. Поэтому с персонала службы берется специальная подписка. Кстати, дать обет молчания придется и вам.

– Сто тысяч за семь дней... – Виктор в сомнении покачал головой.

– Если вы полагаете, что это чересчур щедро, вы ошибаетесь. Ко всему прочему мы даже согласны урегулировать ваши проблемы с долгами. Работа стоит того, и поверьте – вам придется изрядно попотеть. С самого начала каверзные события посыплются на вас, как из рога изобилия. Не сомневаюсь, что вы с ними справитесь, и все-таки труд окажется не из легких. Семь дней! – а далее вас сменит очередной донор.

– Мой долг в казино...

– Считайте, он уже погашен. Как и гостиничные долги, и все прочие.

Виктор сидел молча, Дик Рупперт почесывал указательным пальцем переносицу. Складывалось впечатление, что за время беседы с Виктором хозяин кабинета устал и мысленно подгоняет минуты, чтобы, расставшись с гостем, достать из бара очередную парочку бутылок пива и в уютном одиночестве их распить.

– Почему-то я вам не верю, – тихо произнес Виктор. – Все это какой-то дурацкий фокус. Если бы вы дали мне более убедительное подтверждение...

Глядя на него, Рупперт внезапно откинулся на спинку кресла и хрипло рассмеялся. Хищный нос его стал еще более похожим на клюв. Впрочем, клекот гигантского ястреба длился недолго.

– Вас, в самом деле, не взять голыми руками! Могучий скепсис здорового интеллекта... Честное слово, я сразу понял, что мы сработаемся. Можете называть это профессиональным чутьем. – Лицо его вновь стало серьезным. – Хорошо, Вилли. Обычно никаких разъяснений мы не даем, но я попрошу доктора Борхеса сделать для вас исключение. Вам так и так придется побывать под его квантовым колпаком – вот, заодно и побеседуете.

– Борхес? Кто это?

– Нет, не Хорхе Луис, не писатель. Это родной брат покойного Джозефа Борхеса, того самого, что открыл связь событийности и квантовой материи. Сейчас доктор Мэрвил Борхес продолжает дело своего брата. – Рупперт сокрушенно вздохнул. – Братья-биологи, золотые головы! Физика, математика, генная инженерия – чем они только не занимались. Вдвоем они еще и не так сумели бы развернуться, но, увы, Борхес-старший не дотянул до реализации программы. Младшего нам придется беречь, как зеницу ока.

– А отчего умер старший?

– Отчего? – Рупперт промычал что-то неразборчивое. Выпятив губы, посмотрел в сторону, словно искомый ответ находился там. – По-моему, у него были нелады с сердцем. Так что, скорее всего, это был инфаркт.

Виктор не поверил ему, и Рупперт сразу это заметил.

– Очень уж хрупкий орган, голубчик, наше с вами бедное сердце. Не всем удастся его сберечь, – хмуро проворчал он. – Далеко не всем...

Глава 3

К доктору Мэрвилу Борхесу он попал лишь через пару дней, когда, согласно обещаниям Рупперта, чудо-медики отдела профилактики происшествий совместными усилиями поставили его на ноги, вернув статус пригодного к донорской службе бойца. Виктор даже успел посетить зал, где, подергав рычаги различных тренажеров, убедился в том, что кое-что он еще может.

На ученого Мэрвил Борхес, человек с рыжей всклокоченной шевелюрой и бородкой клинышком, совершенно не походил, скорее уж – на нескладного подростка, рано обзаведшегося солидными роговыми очками и житейскими морщинами. Даже бородка не делала его более солидным. Они сидели в просторном зале, заполненном гудящими машинами, на столике перед ними стояли чашки с голубоватой жидкостью. Из вежливости Виктор глотнул пару раз, но напиток показался ему отвратительным. Возможно, Борхес наполнял себя витаминами и вполне научно оберегал свой желудочно-кишечный тракт, но большинству гостей подобная микстура вряд ли могла понравиться. Гул, наполняющий зал, оказался делом поправимым: усадив Виктора за стол, Борхес задействовал на переносном пульте загадочную комбинацию клавиш, в результате чего на них опустился выполненный из прозрачного материала колпак. На первый взгляд это было обычное стекло, но, судя по отменной звукоизоляции, в своем предположении Виктор ошибся.

– Удивлены? – Борхес не без гордости пожал плечиками. – Это не просто преграда, это квантовый экран. Отсекает звуки и любого рода магнитные излучения. Впрочем, это долго объяснять, да вам это и ни к чему.

– Все верно, я пришел за другим, – Виктор потер колено, неловко забросил ногу на ногу. В пижамных штанах это выглядело бы смешно, но около часа назад ему наконец-то выдали цивильную гражданскую одежду – кстати, достаточно прочную, вполне годную для загородных походов.

– Я хотел бы знать суть того, что вы делаете. Разумеется, в вашей технике я не пойму ни бельмеса, но Рупперт рассказал мне о факторе риска, и я бы хотел понять... Ну, то есть, хотя бы общих чертах представить себе...

– Я вас услышал, – Борхес величаво кивнул. Похоже, невнятное признание гостя его вполне удовлетворило.

– Рупперт говорил что-то о линзе, аккумулирующей отрицательную событийность. Но каким образом этого можно достичь? Насколько я понял из его слов... – Виктор замолк, остановленный движением руки доктора.

– Уверен, это была аллегория и не более того. Суть явления неизмеримо сложнее. Здесь нужно базисное знание природы кварков и глюонов, квантовой теории поля, глубинной хромодинамики и многого другого. Кроме того, неплохо бы кое-что понимать в теории вероятности, в нейронной биофизике, да и в иных сферах, не всегда поддерживаемых научными кругами. Я имею в виду труды Сатпрема, Керши, Ауробиндо и так далее. Только в таком случае я мог бы еще как-то беседовать с вами. Но вы ведь даже не сумеете ответить мне, есть ли какое-то различие между квантом действия и постоянной Планка.

Виктор покраснел.

– У себя на родине я получил кое-какое образование и азы высшей математики помню!

– Да что вы такое говорите! – Борхес язвительно улыбнулся, отчего Виктор испытал судорожное желание ударить его по физиономии.

– Во всяком случае, что такое фактор риска, представить себя могу, – угрюмо выдавил он из себя. – К тому же, если верить Рупперту, общий принцип как раз прост, сложна технология.

– Дело Рупперта – вербовка доноров и организация охраны, – Борхес пренебрежительно поморщился. – Свой исключительный нос ему следует совать куда угодно, но только не в науку. Дело в том, что, не представляя себе, что такое мю-мезоны и дельта-кванты, вы вряд ли осмыслите результат того разрушения, которое причиняют вашим акспесным оболочкам данные частицы.

Заметив недоумение на лице Виктора, ученый со вздохом принялся объяснять:

– Акспесные оболочки, если трактовать упрощенно, представляют собой биологический экран человека. Такова, во всяком случае, их основная функция. Это довольно тонко структурированная и одновременно мощная система защиты, тесно увязанная с неокортексом головного мозга и прежде всего – с нашими ноонейронами. Каким образом осуществляется эта связь, мы до сих пор имеем лишь самое смутное представление, но дело даже не в этом. Так или иначе, внутри нас и вне нас этот экран существует. В некотором смысле он подобен кожному покрову, предохраняющему человеческую плоть от воздействия ультрафиолета, механических повреждений и вирусного десанта. Увы, защитные свойства кожи существенно ограничены, это не кевлар и не броня. Примерно то же самое наблюдается и с нашим биологическим экраном. Океан событийности овеивает нас со всех сторон. Иногда в нем разыгрываются настоящие шторма и бури, случается и своего рода штиль. Но только благодаря прочности наших природных экранов мы ощущаем мощь внешних волн лишь время от времени. Кстати, здесь тоже наблюдается своего рода дарвиновский отбор. Припомните, за некоторыми из нас упорно держится слава везунчиков, так называемых любимцев Фортуны. Других, напротив, постоянно преследуют неудачи.

– Да уж, – хмыкнул Виктор. – Прямо про меня!

– Об этом и речь! Все дело в нашей защитной оболочке, которая в свою очередь влияет на наш конкретный фактор риска.

Виктор покачал головой.

– Слушаю вас и не верю. Не понимаю, как такое вообще возможно – изменение фактора риска и всей судьбы конкретного человека!

– На самом деле, ничего принципиально нового здесь нет. Задумайтесь, разве не тем же самым занималось все цивилизованное человечество на протяжении последних столетий?

– Что вы имеете в виду?

– Да взять хотя бы те же вещи; в сущности, занимаясь их изготовлением, мы всегда надеялись продукты своего труда искомыми факторами риска. Ни бронза, ни железо не казались нам долговечными – поэтому появилась сталь, а за ней – булат с дамаском. Сегодня металлы сплошь и рядом заменяются сверхпрочной керамикой, углепластиком и иными композитами. Но это в военной технике, где без прочности просто не выжить, а в мирной промышленности наука пошла ровно обратной дорогой.

– Не понял?

– Да, да! – помните, какие гарантии на технику давали населению еще полсотни лет назад? Семь лет, девять, четырнадцать! А что произошло потом? Все тот же картельный сговор на самом высшем уровне постановил, что слишком долговечная одежда и чересчур надежные машины, холодильники, телевизоры, вычислительная техника превращаются в угрозу для экономики. Производители поняли, что, быстрый износ товаров для них экономически выгоднее. Лучше и проще – не чинить, не реанимировать, а восполнять сломанное новорожденным товаром. И разом изменились все правила игры. В электронику стали вшивать чипы самоуничтожения, металл, пластик и прочие материалы – все стало более тонким и хрупким. Сроки гарантий сократились до скромных двух-трех лет. Более того, нечто подобное стали делать с продуктами, стремительно развивая индустрию ГМО, задействуя различные программы вроде «Терминатора», «Самоликвида». «Торреро» и т. д. Основная цель всех означенных манипуляций заключалась как раз в том, чтобы искусственно наращивать факторы риска. Деталь, в преж-

ние времена способная проработать полсотни лет, сегодня выйдет из строя вдесятеро быстрее. Курочки-несушки дают яйца, но не приносят цыплят, зерновые не способны воспроизводить себя сызнова – это все та же политика. Но... – Борхес царственным жестом обвел помещение. – До сих пор мы говорили в основном о мире неодоушевленном – о предметах труда и обихода, о пище, но только в наши дни наука, наконец-то, дотянулась до людей.

– Нас стало слишком много, верно? – Виктор хмыкнул. – Да и живем мы слишком долго.

– Вы недалеки от истины, сегодняшние правители вынуждены учитывать и этот фактор. Эпидемии и войны, как вы понимаете, не лучший выход, а химические изменения пищи с хитрыми лекарствами и вакцинами дают слишком медленный и не всегда прогнозируемый результат. Поэтому поиск продолжается, и, открыв суть акспесных оболочек, мы соприкоснулись с более тонким и могущественным миром. – Борхес самодовольно откинулся на спинку кресла. – Мы стали работать с событийным потоком! Иначе говоря, нам удалось пустить судьбу по трубам, словно обычную воду. При этом все небесные рычаги в наших руках, понимаете? Только регулировать нам приходится не интенсивность холодной и горячей воды, а наши ежедневные сюрпризы. Людям стало подвластно управление температурой судьбы!

– Температурой судьбы?

– Да, термин, кстати, предложен моим покойным братом, Джозефом, – температура судьбы. Счастья и несчастья, беды и радости – все зависит от силовых свойств наших природных экранов. Там, где одним сходит с рук самое невероятное, другим не удаются даже элементарные пустяки, и мы недоумеваем, почему одним без конца везет, а другие напротив – не вылезают из своих затянувшихся черных полос.

– Значит... – Виктор нахмурился. – Вокруг каждого из нас есть своеобразный защитный панцирь?

– Панцирь, кокон, аура, тонкое тело – называйте как угодно, но эта субстанция, действительно, имеет место быть, и главное, что она работает! Ну, а статистическая событийность подобна вездесущим вирусам. Она равнодушна и беспощадна – и без промедления разит ударами в малейшие трещинки на наших экранах, распознавая уязвимые места, выявляя лакуны. Чем больше мы пасуем, кукуемся и теряемся, тем хрупче становится защитная оболочка, тем безжалостнее хлещут по ней океанические волны. Иначе говоря, это часть нашего природного иммунитета. Мы сопротивляемся не только вирусам и бактериям, но и ежедневно воюем с мировой событийностью.

Подушечки пальцев Борхеса мягко сомкнулись друг с другом. Чуть позже сошлись и ладони. Доктор напоминал изготовившегося к молитве монаха.

– Бывало у вас так, что вы вставляли не с той ноги? Наверняка, бывало. И день не задавался с самого утра: дурное настроение, предчувствие неудачи... На перекрестках при вашем приближении вместо зеленого включался красный, встречные девушки кривили рты, со стола падали вилки-ложки, а ваш локоть то и дело попадал в тарелку с салатом...

Виктор криво улыбнулся.

– Знаю, что такое случается периодически у всех. День невезения, который также связан с нашим физическим недомоганием. А точнее – с ухудшением свойств акспесной оболочки. Даже если вы купите в такой день беспроигрышный лотерейный билет, вы стопроцентно проиграете. А не проиграете, так потеряете искомый билет или у вас его украдут. Попробуете в такой день разложить карты или выкинуть кости, и у вас также получится худший из возможных раскладов. И во всем будут виноваты они – ваши защитные экраны.

– Но почему их свойства могут ухудшаться?

– Господи, какая разница? Можно назвать сотни причин: скажем, не получилось как следует выспаться, накануне выпили лишку или ночью вас укусил инфицированный клоп – мало ли что! Значительно важнее для вас понимать: в этот день, за какое бы дело вы ни взялись, скорее всего, ничего путного не получится, и вы сядете в лужу. Захотите сыграть в азарт-

ную игру, непременно проиграете, попытаетесь доказать что-либо начальству, оно пошлет вас подальше, возьметесь за новый проект, и он у вас сорвется. Казалось бы, все безнадежно и мы целиком подчинены судьбе, но это не совсем так. Как выяснилось, событийные флуктуации можно взнуздать, и именно это мы сейчас делаем.

– Звучит фантастично.

– Звучало! – Борхес с важностью поднял палец. – Но сегодня это уже не фантастика, поскольку наша аппаратура реальна – и она работает, а эксперимент с донорами проводится уже на протяжении нескольких лет! Массированным облучением мы, Вилли, разрушаем экраны наших волонтеров. Да, да! Дробим его в куски и заставляем рассеиваться. Если можно так выразиться, человек выходит отсюда абсолютно обнаженным перед житейскими бурями. А далее действует та самая статистика, о которой говорил вам Рупперт. Среди тысяч невидимых кандидатов вы становитесь жертвой номер один, поскольку светитесь самой яркой и вызывающей расцветкой. Мы отпускаем вас в ночь, предварительно окатив люминесцентной жидкостью, и событийность обрушивается на вас, временно оставив город в покое.

– Рупперт толковал о недельном сроке!

– Правильно, это оговаривается специальной строкой в контракте. Но уточню: это не мы так хотим, это – природа. Именно такой срок необходим для восстановления вашего естественного защитного покрова.

– Значит, экран действительно способен восстанавливаться?

– Разумеется! Не думаете же вы, что мы выпускаем отсюда калек, обреченных на бедствия в течение всей жизни? По счастью, природа и здесь работает нашим адвокатом и лекарем. Порезьте себе палец, и через тройку дней рана затянется, нечто подобное мы наблюдаем и тут. В среднем через шесть-восемь дней – человеческий экран в общем и целом восстанавливает свои защитные свойства. Таким образом, фактор риска нормализуется, вероятностные составляющие возвращаются в привычные рамки, а стало быть, и вы вновь обретаете возможность вернуться к нормальной жизни.

– Кажется, понимаю... Я выбываю из игры, а меня подменяет следующий донор?

– Совершенно верно. Сменяя друг друга, вереницы спасателей подставляют себя под событийный водопад. Тем самым мы даем возможность мирным гражданам жить более спокойной и размеренной жизнью.

На какое-то время они замолчали.

– Вы хотите знать что-то еще? – поинтересовался Борхес.

– Да! То есть... – Виктор сглотнул образовавшийся в горле ком. – Если правда все то, о чем вы тут рассказали...

– О! Это абсолютная правда, и в этом вам придется убедиться очень скоро, – Борхес пожевал губами. – Обманывать вас не входит в мои намерения.

– Да, не спорю. Но у меня остался еще один вопрос, – Виктор озабоченно потер лоб. – Если существует некий событийный океан, хотя я с трудом представляю себе, что он собой представляет, то это ведь страшно. Получается, что на рубеже двадцать первого века человек, в самом деле, обретает возможность управлять потоком событийности, а значит, овладевает совершенно новым оружием. Непредсказуемым и способным наносить урон огромному количеству людей...

Борхес вновь его перебил:

– Вы не правы. Речь идет как раз не об оружии, а о чем-то совершенно противоположном. Мы рассматриваем наше уникальное открытие исключительно как средство повышения общественной безопасности. Предельно демократичное – безо всякого социального расслоения, без деления на бедных и богатых, на черных и белых. И замечу, если это и можно именовать управлением, то довольно пассивным. Мы не отменяем судьбу, мы лишь ограничиваем отдельные ее проявления.

– И тем не менее! Вы уже переступили черту, за которой происходит круговорот судеб. То, что казалось неразрешимой загадкой, внезапно приоткрылось... – Виктор никак не мог сформулировать напугавшую его мысль. – Я хотел спросить: неужели вы верите, что подобным образом можно действительно излечить планету от зла?

Мэрвил Борхес путанным мальчишечьим движением снял очки, принялся протирать их платком.

– Это не вопрос веры, дорогой мой. Я ученый. А ученые – это слепцы, семенящие по дорожкам, указываемым жизнью. Кроме того, лечение нередко начинают не будучи уверенными в том, что используемые методики и лекарства окажутся эффективными. Однако лечение необходимо, поскольку проблемы налицо. Что-то надо делать – и мы делаем. Ну, а со временем все устаканится и займет свои законные места. Появится должная статистика, да и наука сумеет одолеть очередные несколько ступенек. Ну, а пока мы работаем, и смею вас заверить, что результаты нашей работы несомненны. Об этом говорят многочисленные сводки, поступающие из полицейских участков. Кражи, ограбления, просто несчастные случаи – все летит вниз, едва мы выпускаем на улицы очередного донора. Это факт, с которым уже не поспоришь.

– Значит, я у вас буду в роли живца, – Виктор невесело усмехнулся.

– Мне не хотелось бы употреблять подобный термин. Донор – существо, сознательно идущее на риск во благо окружающих. И кстати, вы можете еще отказаться, – последнюю фразу Борхес произнес с медлительной осторожностью. – В конце концов, мы придерживаемся принципа добровольности, и если вы передумали, еще не поздно переменить решение.

– Поздно, мистер Борхес. Уже поздно... – Виктор задумчиво посмотрел на правый мизинец, отягощенный массивным кольцом. – Как видите, меня успели оснастить всеми необходимыми аксессуарами – даже капли для глаз выдали, очки с обыкновенными стеклами: объяснили, что будет обязательное воспаление конъюнктивы. Спасибо, конечно, но причем тут мои глаза?

– Дело не в глазах, а в пыли и мошкаре, Вилли. Пора бы уже привыкнуть к мысли, что все это скоро станет вашей исключительной прерогативой. Как и случайный мусор с небес, задиристые пьянчужки, некачественные хот-доги.

– Вот как?... Значит, я вооружен на все случаи жизни? Индивидуальный датчик, ботинки скалолаза, рация и прочая чепуха...

– Эта так называемая «чепуха» в самом скором времени может оказаться для вас крайне полезной! – вновь водрузив очки на нос, доктор закинул ногу на ногу, руками обхватил колено. – Вам, Вилли, следует уяснить одно: вы участвуете не в каком-нибудь театрализованном шоу, здесь все всерьез. И дело, к которому вы подключаетесь, безусловно привлечет к себе в ближайшие годы внимание десятков и сотен политических деятелей. Я говорю о крупнейших фигурах – о президентах и действующих монархах. Вполне возможно, уже в этом десятилетии наша программа станет проектом номер один для всего мира. Мы расширим деятельность организации, наводнив донорами все города и все страны. Появятся школы доноров и профсоюзы доноров, мы создадим донорские движения и донорские банки. Специальные институты станут разрабатывать волонтерский реквизит – повышенной прочности амуницию и экзоскелеты, энергетические тоники и средства защиты всех степеней. Мы наконец-то сдвинем с мертвой точки все то, что сегодня именуется борьбой с преступностью. Мы не будем с ней бороться, мы попросту объявим ей шах и мат. Да, да! Именно так все и будет. Работа полиции сведется к простейшему администрированию и абсолютному минимуму!

Говоря все это, Мэрвил Борхес не сдержал довольной улыбки. Хмурая физиономия Виктора нимало его не смущала. Судя по всему, ученый действительно верил в то, что говорил.

– Что ж... – Виктор оперся о рукоятки кресла, медленно поднялся. – Звучит ошеломляюще, хотя... Очень уж все просто.

– Это вам только кажется! – Борхес по-детски покачал ногой. – Вы послушали двух человек, и только-то, но за нашими словами стоят годы напряженного труда. Так что ничего простого здесь нет, да и вам в скором времени придется тоже непросто.

– Спасибо, что предупредили.

– Всегда пожалуйста! Кстати, вы напрасно встали. Дельта-квантование проходит именно здесь. Окружающий нас стеклопластик – не что иное, как защита обслуживающего персонала от дельта излучения.

– Вот как? – Виктор вновь опустился в кресло. Борхес же напротив, поднялся.

– Минуточку терпения. Следует обговорить кое-какие детали с Руппертом. И если нет никаких возражений, то, полагаю, можно приступать к финальной фазе.

Некоторое время Виктор молчал, осмысливая услышанное.

– Или вы еще не готовы?

Виктор неопределенно качнул плечом.

– Как долго это все происходит? Я про облечение...

– Совсем быстро. Секунд тридцать-сорок, не больше. Процедура совершенно безболезненная, так что беспокоиться нет оснований.

– Я понимаю, – Виктор с иронией кивнул. – Процедура безболезненная на первых порах, а на вторых – как уж получится...

– Ну, это уже во многом будет зависеть от вас.

– Буду на это надеяться, док...

Но доктор его уже не слушал. Прозрачный колпак поднялся и плавно опустился. Мэрвил Борхес оказался снаружи, Виктор же остался на жертвенном пятачке один. Ловушка, таким образом, захлопнулась.

Коренастый инструктор с дубинкой в полусогнутой руке шел чуть впереди. Следом за Виктором шагал Таппи – один из тех ребят, что брал его пару дней назад в гостинице. Надо признать, они не слишком его здесь задерживали. Отчасти Виктор был даже разочарован. Он ждал инструкций, может быть, даже какого-то курса специальных тренировок, но ничего подобного не случилось. Доноров выпроваживали на улицу, едва умыв-накормив, в двух словах разъяснив им суть дела. В этом плане ему даже повезло: тот же Таппи поведал Виктору, что с обычными волонтерами ни Борхес, ни тем более – Дик Рупперт как правило не общаются. Исключение сделали только для него – видимо, как для первого донора из России. Вот так, не больше и не меньше! И вроде бы не на что было обижаться, но все равно – некий осадочек у Виктора остался. Никто не носился с ним, как с писаной торбой, не вешал на грудь прощальных иконок, оберегов и амулетов, не хлопал трепетно по плечу, не жал руку. Все было вежливо, сухо и делово. Очень походило на то, что донорская служба у них поставлена на конвейер, и тот же инструктор монотонным голосом напутствовал шагающего рядом донора последними наставлениями:

– Одежду и ботинки рекомендуем не снимать. Куртка и брюки из особого кевларового волокна. На груди и животе – несколько керамических пластин, но очень-то не обольщайся. От ножа спасут, от пуль – вряд ли. То же самое со шляпой. Под внешним фетром – та же керамика. Практически – каска...

– То-то она такая тяжеленная!

– Лучше будет потерпеть эту тяжесть. Может выручить от множества мелких и больших неприятностей.

– Ага, вроде того кирпича, что падает на голову.

– В том числе и от него.

– А от чего не выручит? – Виктор нервничал, и оттого чувствовал, что становится болтливым. Язык работал сам по себе, не спрашивая разрешения. В эту минуту он просто не способен был сдерживаться.

Инструктор скосил на него равнодушный взгляд и, игнорируя вопрос, тем же монотонным голосом продолжил:

– Датчик с мизинца снимать тоже не рекомендуется. Без него мы не сможем следить за твоим передвижением. Рацией пользуйся лишь в крайнем случае. Частоты могут прослушиваться случайными радиолюбителями. Таких в последнее время развелось сверх головы. По той же причине запрещаются переговоры в эфире открытым текстом. С основными кодовыми словами тебя ознакомили?

– Вроде да. Хотя не очень понимаю, зачем все эти шифры.

Пробормотав невнятное, инструктор зло взмахнул дубинкой, задев стену. Крупная голубая искра звонко треснула на металлических рожках резинового оружия.

– Славная вещичка! – оценил Виктор. – А мне почему такую не выдали?

Сопровождающий вновь пропустил его слова мимо ушей. Судя по всему, игра в вежливость закончилась, и Виктор начинал понемногу закипать.

– Я, кажется, задал вопрос! Не слышал, сержант? Почему мне не выдали никакого оружия? Рупперт мне много чего обещал.

– Вооружение доноров запрещено инструкцией. Мы руководствуемся статьями закона и не намерены разжигать стрельбу на городских улицах.

– А если будут стрелять в меня?

– За это тебе и платят, приятель. Кроме того, есть рация. Приспичит, выходи в эфир. Глядишь, кто-нибудь да откликнется.

Инструктор задержался перед массивной, выходящей на улицу дверью. Лязгая тяжелыми замками, вновь покосился на Виктора. Губы его искривились в усмешке.

– Ну, что? Удачи тебе, донор! – крепкая рука хлопнула Виктора по спине – практически выгалкивала наружу. Готовый увидеть ту же ехидную улыбочку, Виктор обернулся к Таппи. Но нет, этот парень глядел на него иначе – даже вроде как сочувствовал. Прежде чем шагнуть за порог, Виктор благодарно ему кивнул.

Глава 4

Теплый ветер оведал лицо новоиспеченного донора. Окрашиваясь в малиновые тона, солнце неторопливо уползло за крыши. Виктор взглянул на часы. Десятый... – и всего ничего до полуночи. Инструктор говорил, что утро и день проходят относительно терпимо. Главные донорские злключения начинаются с приближением ночного времени. Что ж, великолепно! Его выпустили под самый занавес! Даже не дали времени освоиться...

Озираясь по сторонам, Виктор двинулся по улице. Пока ничего не происходило. Или ЭТО происходит не сразу?..

Ветер с шорохом подволок к его ногам мятую газету. Осторожно переступив через нее, он приблизился к витрине. На кого он похож в этом кевларовом балахоне? Виктор повернулся чуть боком. Да нет, вроде нестрашно. Четверо из пяти прохожих с уверенностью отнесут его к категории не самых запущенных бродяжек. Впрочем, если этот кевлар, в самом деле, чего-то стоит, можно и потерпеть. Он пристукнул по асфальту каблуком. Вот ботинки ему определенно нравились! Мягкая и вместе с тем прочная кожа, высокие, как у сапог, голенища, ребристая подошва, позволяющая ступать пружинисто и без опаски, надежно ощущая под собой землю. И при всем при том – совсем даже не тяжелые!

Глубоко вздохнув, Виктор подмигнул отражению в витрине. Что-то не слишком спешит океан событийности. Может, излишне его напугали? Зарядили, чтобы не расслаблялся и не терял бдительности, а в реалиях этот самый событийный поток – не такой уж и грозный?

Виктор ощутил, как губы его сами собой вытягиваются в кривоватую насмешливую дугу. Занятно! Получается, он взялся за работу, в эффект которой до сих пор не верит. Ни Борхес, ни Рупперт так и не сумели полностью его убедить. Шапок-невидимок не бывает. Как и ковров-самолетов со скатертями-самобранками. Тем не менее, эти деятели из ОПП утверждали совершенно обратное. Неудивительно, что мозг Виктора продолжал вновь и вновь прокручивать ситуацию, рассматривая ее и так, и этак, пытаясь отыскать скрытый подвох, обнаружить зловещий умысел, ускользнувший от внимания хозяина. Собственно, объяснений – и объяснений вполне реальных могло быть сколько угодно. Он выслушал всего лишь одно из многих – версию, на которую мог легко купиться средний обыватель. Как известно, на доверии простачков процветает добрая треть человечества. Ну, а две трети пускают нюни, суют головы в петли или травят себя транквилизаторами...

Что-то капнуло ему на плечо. И еще раз – уже на носок ботинка. Дождь? Виктор задрал голову. Стая проплывающих птиц и ни одной тучки.

Понятно... Он брезгливо стряхнул с куртки зеленоватый комочек. Сорвав с дерева листок, отер ботинок и пальцы. Может, так они и начинаются – донорские злключения?

Позади заурчал мотор, по дороге скользнул свет фар. Виктор поднял руку. В отделе профилактики его снабдили небольшой суммой денег. Он мог бы добраться до нужного ему района на машине. Правда, среди множественных запретов, внушенных инструктором, был и тот, что воспрещал использование какого бы то ни было транспорта. Риск угодить в аварию возрастал до верных девяноста девяти процентов, убеждал инструктор. Лобовое столкновение, отказ тормозов, лопнувшее на скорости колесо – случиться может все, что угодно, и никакая ловкость тут не спасет...

Машина, в самом деле, двигалась чрезвычайно странно. Она то и дело петляла, въезжая колесами на бордюр, соскакивала обратно, да и перемещалась какими-то дурными рывками.

Почувствовав неладное, Виктор сошел с дороги на тротуар. А в следующую минуту автомобиль, взревев, ринулся прямо на него. Улочка была довольно узкой, и пришлось прыгать. Словно почуяв его попытку ускользнуть, автомобиль несколько подправил курс. Виктора спас бетонный надолб, бывший, очевидно, когда-то вполне породистым телеграфным

столбом. Машина со скрежетом вонзилась в препятствие, изуродовав передок и разбив одну из фар. Виктор успел заметить, как ткнулось в приборную панель очумелое лицо водителя. Чувствуя, что внутри поднимается мелкая неприятная дрожь, Виктор поспешил к машине. Стекло в дверце было опущено, и ему с расстояния шибануло в нос перегаром. Пьяно покачивая головой, водитель пальцами трогал разбитый лоб. Виктор шагнул ближе. Дрожь обратилась в бешенство. Только сейчас он отчетливо понял, что на его месте могла быть какая-нибудь старушонка или просто не очень проворная женщина. Без сомнения, жертва лежала бы уже под колесами этого кретина.

– Что творишь, придурок! – подавшись вперед, он ткнул кулаком шофера в подбородок. Лязгнув челюстью, тот опрокинулся на сиденье и немедленно попытался достать обидчика перепачканной рукой. Виктор легко уклонился. Стоило бы, конечно, наказать поганца, но связываться с ним было бессмысленной тратой времени. Все еще чувствуя внутреннюю дрожь, Виктор сплюнул на капот и торопливо зашагал прочь.

Добравшись до улиц, обозначенных инструктором в маршрутной карте, он уже не сомневался, что океан событийности или нечто чрезвычайно похожее на него существует в действительности. Воробьи, голуби и прочая крылатая мелюзга с исключительной меткостью продолжали гадить, пачкая его шляпу, штаны и куртку. Пыль периодически запорашивала глаза, а под веки одна за другой залетали мошки. Припомнив беседу с Борхесом, он даже совершил остановку, воспользовавшись пузырьком с глазными каплями, а после натянул очки с защитными стеклами. Следуя прежним маршрутом, Виктор всерьез начинал подумывать о том, что к месту было бы купить и зонт. Жаль, не выдали ему на прощание, – уличные же магазины начинали как раз закрываться. Впрочем, зонт у него почти наверняка вышибли бы из рук. Люди на его пути не отличались вежливостью. Его толкали и его обругивали. Полная негритянка крайне болезненно наступила ему на ногу, споткнувшийся забулдыга едва не опрокинул наземь, а уличный жонглер неожиданно сбился с ритма и одним из мячей, конечно же, угодил донору в лицо. Не очки бы – подбил глаз, в этом можно было не сомневаться. Очень скоро Виктору стало казаться, что вся пьянь города выбрала местом сегодняшних прогулок именно его улицу. На одном из перекрестков новоявленного донора вновь попытался сбить огромный автобус, а, отскакивая, Виктор едва не угодил в раскрытый канализационный люк.

Небольшая перепалка с парочкой обкурившихся мужчин завершилась его победой. Не дожидаясь осложнений, Виктор попросту уложил обоих красавцев на асфальт. На случившееся обратили внимание, и какая-то бабуля принялась грозно выкрикивать что-то с противоположной стороны улицы. Не вступая в объяснения, Виктор счел за лучшее немного пробежаться, и это едва не стоило ему жизни. Уже через квартал еще одна машина сделала попытку сбить обляпанного птичьим пометом пешехода, и на этот раз, толком не отдышавшись, Виктор не успел вовремя отскочить в сторону. Но все же давние рефлексы не подвели: толкнувшись от тротуара и скрючившись эмбрионом, он ударился о крышу сверкающей лаком нарушительницы. Будь это какой-нибудь джип, происшествие могло бы закончиться весьма плачевно, но это была низенькая спортивная модель обтекаемой формы, и прокатившись по корпусу автомобиля, Виктор рухнул наземь без каких-либо серьезных повреждений. Один хороший синячище на спине и пара ссадин на руках – так оценил он свои потери. Не останавливаясь, машина наддала ходу и скрылась в конце улицы, а вокруг Виктора немедленно собралась толпа любопытствующих. Отряхиваясь, он слышал, как кто-то восторженно рассказывал приятелю или приятельнице: «Прямо как в кино, представляешь! Визг тормозов, удар, он и завертелся. И полюбуйся, стоит, как ни в чем не бывало! Может, в самом деле, каскадер?»

Сквозь гомонящую толпу хозяйственно протолкался полицейский – еще совсем молодой парень богатырского роста, с небольшим шрамом над верхней губой. Он действовал оперативно и без суеты. Убедившись, что Виктор в порядке, тут же стал выяснять приметы уехавшей машины. О результатах сразу сообщил по рации в участок. Ему что-то быстро ответили... А потом случилось неожиданное: полицейский рассмотрел кольцо на мизинце потерпевшего, и тотчас выражение его лица изменилось. Деловое участие было вытеснено чем-то напоминающим жалостливое сочувствие. Резкими командами он тут же начал разгонять зевак, а самому Виктору вполголоса посоветовал:

– Не самое лучшее место для таких, как ты, приятель. Ты бы здесь не задерживался.

– Гонишь?

– Ничего личного, парень, но это мой район, и проблемы мне не нужны. Иди и будь осторожен.

Посмотрев ему в глаза, Виктор послушно протолкался через кольцо зевак и возобновил свой путь.

Вот так! Выходит, полиция действительно в курсе происходящего, и на будущее это следует учесть. Поскольку никаких мер никто предпринимать не будет. Кольцо на мизинце – опознавательный знак, а доноры – на то и доноры, чтобы терпеть и не распускать сопли.

Собственно, это было еще одним подтверждающим моментом. Аура мистического сгустилась на глазах. Масштабы эксперимента начинали по-настоящему поражать воображение. Как ни крути, в городе обитало чуть менее миллиона жителей и несколько тысяч полицейских – совсем даже немало! Странно, что никто из доноров до сих пор не проболтался ни о чем журналистам. Иначе об опытах ОПП трубила бы вся пресса. Или, может, об этом без того все знают, и только он один, погруженный в свои невзгоды, ничего не замечал и беспечно щелкал клювам? И даже этот безногий нищий, что настойчиво дергает его за рукав, все знает, и девицы, забавным образом вытягивающие шеи, пытаются рассмотреть, что же там приключилось?

Он посторонился, пропуская мимо себя старичка с палочкой, упрямо спешащего к месту события. Беззубый рот пожилого мужчины безостановочно двигался, как будто старикашка что-то старательно пережевывал, глаза были алчно устремлены вперед. Перебежав улицу, Виктор прибавил шагу.

В самом деле, долгое время он жил отшельником, общаясь лишь с Майклом и парой-тройкой знакомых. Могло получиться и так, что он умудрился пропустить новость о донорах мимо ушей. Впрочем... Виктор припомнил слова Рупперта, касающиеся секретности эксперимента. Подобные фразы встречались и в подписанных им бумагах. Контракт на работу, подписка о неразглашении, согласие на экстренную кремацию и что-то там еще... Что ж, все обстояло вполне серьезно, и, наверное, сто тысяч – приемлемая цена за молчание. Ну, а полицию вряд ли посвящали в подробности. Возможно, подбросили удобоваримую легенду, обязывающую не препятствовать задержанным донорам, а по возможности и всячески им содействовать.

Виктор мысленно воспроизвел гримасу молодого полицейского. Что она означала? В самом деле сострадание или естественную брезгливость?

Пройдя еще несколько кварталов, он чуть было не угодил под рухнувшую панель с рекламой, но спасла реакция и отчасти пластины, прячущиеся под матерчатым кепи. Стеклами брызнули десятки лампочек, металлический каркас от падения смялся пополам. Донора он задел лишь самым краешком. Очумело покрутив головой, Виктор отошел в сторону. Однако!.. Вот вам и пресловутый «кирпич», про который совсем недавно он так необдуманно шутил.

Рассмотрев неподалеку зазывающую вывеску питейного заведения, донор решил, что небольшая пауза ему не помешает. Мозг еще буксовал на стадии раздумья, а ноги уже несли к распахнутым дверям. Посещать различного рода публичные места, в том числе библиотеки, кинотеатры, выставки и бары, ему также настоятельно не рекомендовалось, но лояльности и послушания они могли требовать от кого угодно, только не от Виктора. И снова он ощутил

в груди знакомый трепет, уже второй раз за сегодняшний вечер. Подобного он не испытывал давненько – с тех самых пор, как, освободившись из плена, попал сперва в Австрию, затем в Нидерланды, а потом уже и сюда...

Заведение было вполне пристойным – с богатым ассортиментом выпивки, игривым освещением и музыкальным сопровождением. У стен размещались игровые автоматы – известные на весь мир «однорукие бандиты», кнопочные слот-машины и прочая электронная дребедень с зазывно сияющими экранами. Разумеется, все места перед металлическими «вымогателями» были заняты. Впрочем, Виктор не рвался испытывать счастье – знал наперед, чем это закончится.

Взяв бокал апельсинового сока, он пристроился за круглым не самым чистым столиком, зашарил рукой по под сумку. В помещении, чем-то похожем на склад, тот же инструктор выдал ему, помимо амуниции, карту города, адреса нескольких дешевых ночлежек и семидневный комплект белковых концентратов. Он мог жить вполне автономно, нуждаясь только в воде и крыше над головой в часы сна. Впрочем, и сон с помощью стимулирующих препаратов он мог при желании сокращать до полутора часов – во всяком случае, если верить словам инструктора.

Достав пакет с концентратами, Виктор надорвал одну из бумажных капсул. Он ожидал увидеть что-то вроде таблеток, но формой это больше напоминало куколку тутового шелкопряда. Сунув ее в рот, он вынужден был признать, что тающее на языке крошево на вкус достаточно приятно. Нечто среднее между растворимым какао и свежим гречишным медом, правда, не столь сладкое, больше отдающее лимоном или грейпфрутом. Работники отдела профилактики утверждали, что в течение всей недели доноры могут легко обходиться этими самыми брикетами. По их же признанию, подобными средствами щедро снабжались спецподразделения во время операций в Южной Америке и на Ближнем Востоке. Для военных это, в самом деле, было спасением. В разгар боевых действий костры разжигать некогда, да и полевые кухни являют собой отличную мишень. А тут – все просто: совсем немного воды, пара капсул, и ты в прекрасной форме в течение суток! Впрочем, пока ему не на что было жаловаться. Нынешнее физическое состояние более чем устраивало Виктора. Кроме промывания желудка чудомедики Малькольма организовали ему ряд тонизирующих ванн, а на ночь к левой руке была присоединена полуторалитровая капельница. Виктор понятия не имел, что за гремучую смесь они мало-помалу перекачали в его кровь, но на утро он проснулся буквально заново родившимся. Боли ушли, уступив место жаркому электричеству, проникшему в суставы и мышцы. В теле поселилась забытая легкость, он ходил, словно на звонких пружинах, с удивлением обнаружив в себе ребяческие позывы коснуться в прыжке потолка, стремительным скоком пуститься по коридору. Именно тогда, беззастенчиво воспользовавшись его телесной эйфорией, ему и предложили подписать жирно отпечатанные бланки договоров. Сейчас один из подписанных документов покоился в заднем кармане брюк, и Виктор машинально похлопал себя по ягодице: бумаги были на месте. Прислушиваясь к приятной трансформации проглоченного брикета в искристое тепло, он обвел помещение повеселевшими глазами. Около двух десятков столиков, пластиковые табуреты, посетители – в основном грузные, с неряшливо раздавившимися талиями мужчины. Скучающие взгляды, движения неповоротливых бегемотов, болтовня, которая по сию пору казалась ему скучной и чужой. Начиная с родной школы, Виктор достаточно легко овладевал языками, и все-таки родной язык оставался родным и поныне. Чужая англо— и франкоязычная речь так и не стала чем-то привычным.

Верзила возле одного из игровых автоматов разразился бранью. Ясно было, что он проигрался в пух и прах. Кулаком шарахнув по агрегату, он окинул помещение ненавидящим взором мутного кроличьего глаза и отошел к стойке. Второй глаз незадачливого игрока скрывался за фиолетовой припухлостью, возникшей, по всей вероятности, совсем недавно. Ни дать, ни взять – циклопище!

Взглянув на пригоршню монет, что сдали ему с отданной за сок купюры, Виктор неожиданно подумал, что мог бы поделиться с обиженным «циклопом». Если бы тот не выглядел столь устрашающе, пожалуй, так бы он и поступил. Или, скажем, сыграл бы следом за ним, продув все вчистую – так сказать, в утешение пострадавшему...

Неожиданная мысль заставила Виктора нахмуриться. В самом деле, можно ведь рассудить иначе... К примеру, в его случае вероятность проигрыша должна быть стопроцентной – кажется, так? Но разве сам проигрыш – не условность? Скажем, если те же костяшки он примется швырять скуки ради наедине с собой, неужели ему также будет катастрофически не везти? Дело ведь не просто в везении-невезении, дело – в судьбоносности тех или иных поступков! И если, к примеру, от тех же костяшек будет зависеть его жизнь, он, конечно, проиграет, но если это будет банальное развлечение, никоим образом не влияющее на судьбу, то ничего в этом случае не случится. И выпадать на костяшках ему будет ровно то же самое, что и все обыкновенным людям.

Виктор не на шутку взволновался. Он еще толком не понимал, какое-такое открытие пытается сделать, однако чувствовал, что копает в нужном направлении...

Как было ни было, но закравшиеся сомнения следовало срочно разрешить, и с монетами в горсти он решительно двинулся к игровым автоматам. Место после неудачливого игрока никто еще не занял, и Виктор отважно наполнил монетоприемник, дернув за металлический рычаг. А дальше... Громко заиграла бравурная музыка, на прокрутившемся экранном барабане высветился ряд из пяти долларовых значков. Обвальное зазвенело в металлических недрах автомата, в бункер хлынул поток долларовых монет.

Виктор ошарашено взирал на сыплющиеся деньги, а позади него воцарилась гробовая тишина. Бармен даже музыку выключил. Виктор не оборачивался, но чувствовал, что весь зал сейчас сверлит взглядами его спину.

– Чего застыл, придурок? – тихо шепнул сосед справа, полный увалень со шрамом на лбу. – Забирай бабло и сваливай по-шустрому.

Слепо кивнув, Виктор начал выгребать монеты, пересыпая их в сумку и карманы. Все делалось машинально, он мало что понимал. Да, ешкин кот! – ему не должно было повезти, но повезло, и это рушило все умопостроения Борхеса и Рупперта. Ведь только что – буквально минуту назад он вполне грамотно рассудил, что везение и невезение должно касаться исключительно судьбоносных явлений, но разве сейчас он нуждался в деньгах?

До конца так и не очистив бункер, он шатко приблизился к стойке, вывалил перед барменом приличную горку сияющих монет.

– Всем выпивки за мой счет, – не слишком уверенно произнес он. – Не хватит, добавлю...

– Будет сделано, – не пересчитывая, бармен смахнул деньги в подставленный лоток, а от столиков к нему уже потянулись люди с бокалами. Посетители оживленно гомонили, обсуждая успех незнакомца, несколько ладоней крепко хлопнули Виктора по спине. Ему показалось, что одна шлепнула по пояснице – в опасной близости от поясной сумки.

Но в целом, как ему подумалось, он поступил весьма мудро: как-никак – поделился, посетителей задобрил... И было удивительно, что тот же сосед по игровым автоматам, проходя мимо, вновь шепнул:

– Дурак же ты! Теперь точно не сбежишь...

Виктор промолчал. Сбегать он и не думал. Да и от кого? Разве что от верзилы с кроличьим глазом. Этот и впрямь взирал на него с ненавистью. Кстати, и выпивкой дармовой не заинтересовался – стоял себе на отшибе, цедил пиво из кружки и наблюдал за Виктором. Да и черт с ним!..

Взяв себе еще один бокал сока с ломтиком какой-то засахаренной фруктины, Виктор вернулся за столик. Уходить сразу, по его разумению, было глупо. Да и не хотелось спешить. Куда лучше – посидеть, пораскинуть мозгами, проанализировать случившееся.

Что там преподавали у него в институте учителя математики? про теорему Байеса и Лапласа Виктор помнил довольно смутно. Еще, кажется, была обратная вероятность – то есть, искомая вероятность успеха. Если, значит, вероятность удачи – скромная, то обратная вероятность будет напротив – весьма слоновьих пропорций. Но если у него с первой же попытки выпал джекпот, а должно было, по идее, случиться обратное, то к каким же выводам он должен придти? Что-то судьбоносное зависит от этого выигрыша? Может, некое счастливое возвращение былого облика? Или что-либо иное?..

Виктор поднял голову и вновь столкнулся взглядом с верзилкой у стойки. Единственный глаз его продолжал гореть ненавидящим огнем. Антипатия угадывалась столь явно, что неприятное чувство, исчезнувшее после приключения с машиной, немедленно вернулось. В мышцах зародился нехороший зуд. Но главное – Виктор вновь почувствовал трепет **ВЕРНУВШЕЙСЯ ВОЙНЫ** – ощущение, давненько им не испытываемое.

Человек, перенесший хоть раз настоящий артобстрел, отлично знает, как страшно и глухо вздрагивает при этом земля. Близкие ее объятия не успокаивают, скорее – наоборот, а гул разрывов болезненно сливается с толчками собственного сердца. И более чем очевидно, как нелепо и фальшиво отражен весь этот ад на мириадах клокочущих огнем кинолент. Война – подобие архипелага, на каждом из островов которого проживает страх, выражающийся в сотнях всевозможных оттенков. Трудно и мерзко, но к чужой смерти можно привыкнуть, к своей – никогда. Притупляются чувства, предельно правдивой становятся речь, душа покрывается мертвенными струпами, и все же подниматься в атаку под пулями даже в двадцатый и сороковой раз – чертовски сложно. Может быть, даже сложнее, чем в первый, потому что уже не по рассказам знаешь, как до обидного просто столкнуться с крохотным кусочком металла, летящим навстречу. Потому что, своими руками выпустив сотни подобных дьявольских посланцев, заранее готов испустить стон, вообразив собственную развороченную грудь, кровоточащий живот, изувеченное лицо. И все это может быть результатом одного-единственного попадания, одной крохотной случайности и вашего конкретного невезения. Пугающее видение навещало во снах, картинка обретала не только цвета, но и пугающие звуки с запахом и ощущением боли. Чувство страха въедалось в мозг – все равно как грязь под ногти, только вот избавиться от него было стократ труднее, чем от грязи. Виктор знал: у кого-то на подобную реабилитацию уходят месяцы и годы, у кого-то может не хватить и всей жизни. Для одних зуд, поселившийся глубоко внутри, становится привычным, те же, кто не может к нему привыкнуть, в итоге сходят с ума. И он отлично понимал тех ребят, что, покинув войну, спустя месяц или два с растерянностью в сердце возвращались на фронт. Это походило на кессонную болезнь, когда стремительное выныривание на поверхность угрожает бедой. Следует срочно возвращаться обратно и возобновлять подъем, выдерживая длительную декомпрессию. Правда, роскошь щадящего подъема выпадала на долю очень немногих, и подобно подавляющему большинству, очутившись вне выстрелов, вне схваток и плена, Виктор долгое время испытывал обморочное головокружение. Общепринятый быт с трехкратным питанием и восьмичасовым рабочим днем, с вечерним телевидением и обязательной газетой так и не сумел уберечь его сознание. Он пришел в себя, но от ощущения войны так и не избавился. И сейчас, сидя в кафе, к собственному ужасу Виктор почувствовал поднимающееся из неведомых глубин животное удовлетворение. Он вновь возвращался **ТУДА** – в стихию кровавого грохота. Несколько острых событий оказалось вполне достаточно, чтобы всколыхнуть в нем солдата – существо, ненавидящее страх и воюющее с ним ежедневно и ежечасно. Глядя в лютоватый, налитый кровью глаз парня у стойки, Виктор позволил себе снисходительно улыбнуться. Чему быть, того не миновать, и кто знает, возможно, благодаря этой ухмылке, обормот у стойки не разобьет чьих-нибудь зубов и не сграбастает в пятерню случайно подвернувшуюся шевелюру.

Все получилось так, как и предполагал Виктор. Отставив недопитое пиво, парень толкнулся от стойки и двинулся напрямик в его сторону. Вот вам и судьбоносное действие! Стычка

с местным забиякой. Но лучше уж забияка, чем капот несущегося авто. Да и посетители, дай бог, помогут. Все-таки угостил, улестил... «Топай, козлик, топай!» – Виктор подзадорил приближающегося верзилу взглядом. А секундой позже пара смуглокожих посетителей стиснула его с двух сторон.

– Сиди, где сидишь, цыпа!

Тот, что очутился справа, довольно симпатичный, с цыганскими буйными кудрями, представлял несомненную опасность. Очень уж был быстр в движениях и слишком уверено улыбался. Виктор научился распознавать силу и был готов биться об заклад, что за руками этого красавчика следует следить в оба. Слева расположился плечистый увалень, настолько же крепкий, насколько и безобидный. Безобидный, если вовремя не позволить ему обнять себя своими медвежьими лапищами. В общем, парочка что надо! Со стороны это, вероятно, выглядело встречей добрых старых знакомых. И тот, и другой сохраняли на лицах печать миролюбия, но вопроса, почему среди прочих посетителей они выбрали именно его, Виктор, разумеется, не задавал. Все было предельно ясно. Должно быть, именно на эту опасность намекал ему сосед по игральным автоматам. Какие-нибудь местные жиганы – возможно, даже приятели бармена. И, разумеется, им он тоже яростно не нравился, как не нравился парню с подбитым глазом. Судя по всему, донору следовало приучить себя к мысли, что в течение долгих семи дней он будет не нравиться многим и очень многим, став излюбленной мишенью всех слоняющихся по улицам бретеров.

– Чем могу быть полезен? – вежливо и негромко поинтересовался донор, и немедленно в бок ему уперлось острие ножа. Он старался следить за руками красавчика, но это последнее движение рассмотрел все-таки с запозданием.

– Еще не догадался?.. Часы, выигрыш – все, что есть ценного!

– Вы что же, грабите меня? – Виктор скорее удивился, чем испугался.

– Спокойно снял сумку и передал моему другу! – команда прозвучала столь же негромко. При этом красавчик не забывал улыбаться. – Все, что в карманах, аккуратно переложил туда же...

Увалень взял стакан с остатками апельсинового сока и, безразлично понюхав, медленно вылил на брюки Виктора.

– Не заставляй его ждать, приятель, – прокомментировал кудрявый красавчик. – Сам видишь, сегодня он не в настроении. Следующий стакан выльет тебе на голову.

В баре вновь заиграла музыка, и Виктору пришлось чуточку напрячь связки, чтоб его услышали.

– Рисковые вы ребята! Здесь же полно народу, да и на улице полицейские. Что, если я закричу?

– Захрипишь, а не закричишь, – кончик ножа красноречиво шевельнулся у ребер. – Это наш бар и наша территория. Никто слова за тебя не пикнет.

– Верю... – Виктор рассмотрел, что одноглазый верзила уже находится на полпути к их столику. Появление смуглокожих грабителей его ничуть не смутило. Налитый кровью глаз «циклопа» смотрел исключительно на Виктора. Издевательски подмигнув ему, донор покоился на красавчика.

– О» кей, парни. Сумку отдаю без разговоров, не жалко. Деньги из карманов тоже, но это все, что есть.

– Часы?

Виктор оттянул немного рукав, позволяя снять с себя часы. И черт с ними! Слишком хрупкая вещь, чтобы таскать их дальше.

– Молодец, правильно делаешь! А теперь проверим нагрудные кармашки... – красавчик недоуменно взглянул на приближающегося забияку. Темные брови его сошлись на переносице, а Виктор радостно прищелкнул языком.

– Наконец-то! Вот и мой приятель подошел! Джонни Депп собственной персоной, если не слышали. Между нами говоря, крепкий орешек. Таких, как вы, хоронил десятками.

В жизни столкнуть лбами обидчиков выходит крайне редко, но в его случае помогла все та же событийность. Внимание грабителей поневоле переключилось на подхлывшего «циклопа», и, схватив со стола опустевший стакан, Виктор с силой ударил им по темени плечистого здоровяка. Ошарашенный взор и испуганно вздернутые руки он запечатлел лишь как мгновенный кадр. Пленка не стояла на месте. В следующем кадре его локоть заехал в челюсть красавчику. Еще раньше тот пырнул его ножом, но кевларовая куртка выдержала удар с честью. Еще один небольшой синяк – только и всего. С красавчиком было, похоже, покончено, зато увалень уже пришел в себя от первого потрясения и был готов перейти к самым решительным действиям, стакан его не пронял, а жаль. Вскочив, Виктор опрокинул столик, создав таким образом временное препятствие между собой и наступающими силами. Над тем же, что произошло в следующую секунду, он чуть было не расхохотался. Увалень, остановленный неожиданной баррикадой, неловко развернулся и с рыком вонзил кулак в живот приблизившегося «Джонни Деппа». Второй его кулачище пошел следом за первым, но вхолостую просвистел мимо. «Джонни Депп» и впрямь оказался «крепким орешком». Во всяком случае, по части драк он мог бы дать увальню сто очков вперед. Мысок его туфли угодил под колено противнику, и одновременно одноглазый провел сокрушительную серию, работая кулаками, как кувалдами, в результате чего, хлюпая разбитым носом, здоровяк осел на пол. Кто-то из посетителей попытался ухватить парня за руки, и Виктор тут же встрепенулся. Другого такого благоприятного момента могло не представиться. Сиганув через опрокинутый стол, он коротким боковым ударил «Джонни» по виску и еще раз прямо по вспухшему глазу. Парня крепко мотнуло, но сознания он не потерял. Назвав его крепким орешком, Виктор попал в яблочко. Левый кулак «Джонни» замелькал с потрясающей виртуозностью, выбрасывая серию боксерских джебов. Дважды угодив по физиономии пытающегося наброситься на него посетителя, он успел ужалить и Виктора. Можно было спорить на что угодно, что парень серьезно работает на ринге. Он был значительно легче Виктора, и этим единственным преимуществом последний поспешил воспользоваться. Прыгнув на мастера ринга и заработав по пути еще одну плюху, Виктор обрушился на одноглазого задиру, захватив мускулистую шею в жесткий замок и повалив на пол. Столы, стулья, чьи-то дергающиеся ноги – все замелькало перед глазами дурной каруселью. Кто-то угодил ему по затылку, в спину ударил брошенный стул, защитные очки сорвали и растоптали. Возможно, статья инструкции, воспрещавшая посещение подобных мест, была написана весьма умудренными людьми. Теперь в драке участвовало не менее пяти-шести мужских особей. Молотили друг дружку от души. Вовсе неудивительно, что при этом доставалось и Виктору.

Хуже нет, чем находиться на полу в такой толчее. Гвозданув соперника еще раз по кровоточащим губам, Виктор не без труда сумел подняться. Кто-то немедленно повис у него на шее, и незнакомца пришлось отрывать от себя только у выхода. Здесь Виктор с изумлением разглядел хлипкого человечка, выглядевшего гномом в сравнении с прочими участниками потасовки. «Гномик» и сам, по-видимому, оказался удивлен собственной отвагой, потому что, стоило Виктору замахнуть, как он тут же пропал. В сторону дверей швырнули бутылку, и, проворно присев, Виктор спиной вывалился на улицу. Мощные пружины вернули деревянные створки в исходное положение, и хотя Виктор чувствовал себя еще вполне боеспособным, он не стал более испытывать судьбу и не поленился пробежать сотню-другую метров, остановившись только тогда, когда полностью уверился в отсутствии преследователей.

На перекрестке донор почтительно задержался, пропуская мимо себя вереницу автомобилей. Что-то вроде свадебного кортежа. Что ж, хоть кто-то занят здесь более приятными делами...

Высоко над головой захлопали крылья. Стая голубей решила сменить позицию, перелетая с одного карниза на другой, с перепачканного на более чистый и потому более приемлемый для голубиного времяпрепровождения. Виктор дернулся в сторону, но опоздал. На плечо и голову в очередной раз угодило по кляксе. Спасибо, птицы мира! Порадовали... Отряхнувшись, он с осторожностью пересек дорогу.

Глава 5

Хорошо было бы вернуться на центральные улицы – с их пристойной публикой и комфортным освещением, но инструкция строго предписывала держаться окраин. Если припрет, можно, конечно, и нарушить, к чертовой матери, но пока Виктор не видел для этого сколь-нибудь весомых причин. А посему нарываться не стоило? Тем более что помнил пунктик о штрафах, мелконько прописанный в одном из документов, – как раз за подобного рода нарушения. Не стоило забывать и то обстоятельство, что по перстню-маячку они имели возможность отслеживать его маршрут во всех подробностях. Виктор хоть и крутил бдительно головой, но, конечно же, многого мог и не заметить. Понятно, что живого наблюдения за ним не пускали, а вот отслеживать с уличных дронов или даже со спутников вполне могли.

Пора было подумать о крыше над головой, и на этот счет у него также имелись жесткие предписания. Нормальные отели, как и кафе с театрами-ресторанами ему были противопоказаны. Не в силу какой-либо дискриминации в отношении донорского сословия, как пояснил инструктор Таппи, а исключительно с целью не подставить под удар почтенную публику. Какой смысл создавать донорское движение, если последние начнут укрываться на переполненных стадионах, в торговых центрах и на концертных площадках? Собственно, он уже сунулся в бар и самолично убедился, что из этого вышло.

Прежде чем добраться до гостиницы, больше подходящей под звание ночлежки, Виктору еще трижды довелось изведать, как неуютно может чувствоваться одинокому прохожему на здешних улицах. Следуя указанному на карте маршруту, он все дальше уходил от рафинированных благ современной цивилизации, погружаясь в окраинные кварталы, точно в омут глубокого пруда.

Первый раз это была стайка ребят-подростков, с которыми он сумел разобраться самостоятельно. Во второй раз ему пшикнули в лицо едким спреем, а по голове чувствительно стукнули чем-то тяжелым. И пока, прислонясь к кирпичной стене, он пытался придти в себя, по-обезьяньи ловкие руки обшарили его немногочисленные карманы, изъяв договор, карту, деньги и рацию. Вдобавок ко всему с него сорвали очки и издевательски похлопали по щекам. Раскачиваясь пьяной корабельной мачтой, он попытался пуститься вдогонку за грабителями, но по голове вновь саданули чем-то тяжелым – должно быть, металлическим прутком, и если бы не упряпанная под материю керамическая каска, на этом его семидневная миссия, скорее всего, и завершилась.

Отдышавшись, Виктор некоторое время сотрясал воздух угрозами и проклятиями – причем ругался, перемежая русские слова с английскими и немецкими. Впрочем, слушать его особенно было некому; в этих местах в темное время суток народ умудренно воздерживался от прогулок.

Прежде чем возобновить путь, Виктор подобрал с земли увесистый булыжник; хватит ходить безоружным! Сегодняшних приключений с него было более чем достаточно. Приходилось удваивать осторожность, и, крадучись, он перебегал от здания к зданию, точно перемещался в районе боевых действий. То и дело замирал, прислушиваясь и при малейшей опасности нырял в подворотни. Между тем, опасности таились повсюду: в полумгле подворотен, доносящей молодежато-задиристые голоса, в неясном шорохе за ближайшем углом, в запахнутых окнах, из которых в любой момент могла вылететь случайная железка, цветочный горшок или иной гостинец, время от времени пускаемый человеческой рукой – чаще всего, бездумно. Город превратился в волчий, взведенный умелой рукой капкан. Ступать следовало осторожно, не закрывая глаз и не разжимая кулаков. Это его и спасло.

Уже возле самой ночлежки к нему сунулись три темных фигуры, но, размахивая зажатым в кулаке камнем, он атаковал их первым, сходу разбив одно из оскаленных злобных лиц, ногой

саданув в грудь второго нападающего. Не ожидавшие такой прыти от случайного прохожего, грабители пустились наутек. А Виктор... Да, как подросток, впервые одержавший победу над собственными страхами, Виктор хрипло захохотал им вслед. Ладно, хоть не бросился догонять, но выводы определенные про себя сделал. Сознание донора – столь же хрупкое, как и его оболочка, а потому ему требовался срочный отдых.

Это оказалось в самом деле ночлежкой. Отличие этого блеклого во всех отношениях местечка от настоящей гостиницы он, знаток и ценитель дешевых «люксов», определил сразу. В номера здесь поселяли по четверо и шестеро человек, белье выдавали только за отдельную плату, никаких ключей от дверей в комнатах не существовало. Стоило подобное жилье чрезвычайно недорого, но и этой малостью в настоящий момент Виктор не располагал. Здесь же в затхлом вестибюле ему пришлось уговаривать угрюмого администратора дать ему возможность бесплатно воспользоваться телефоном. Ни вид перстня, ни жалостливая история про грабителей администратора не растрогали. Этот тип выдал разрешение на звонок лишь тогда, когда Виктор поклялся уплатить вдвойне, пообещав, что друзья вот-вот подвезут деньги, упомянув при этом ряд имен, которые доводилось ему слышать из криминальной хроники. Последнее, по-видимому, оказалось решающим аргументом, и с желчной миной администратор просунул в узенькое окошко телефонный аппаратик.

Связавшись с полицией, Виктор попросил срочно сообщить дежурным ОПП о своем плачевном положении. Слово «донор» не было упомянуто, однако по интонациям незримого собеседника Виктор сообразил, что в участке об отделе профилактики происшествий более чем слышаны. Бодренький тенорок блюстителя правопорядка ничего конкретно не обещал, но уже через пятнадцать минут к ночлежке подкатил на мотоцикле заспанный фараон и, опознав Виктора по кольцу на мизинце, без особых помех устроил ему место в невеселом заведении.

– Послушай, дружище, – Виктор попытался использовать благодушие офицера, – может, найдем гостиницу получше?

– Получше не положено, – полицейский не очень-то был расположен к разговору.

– Ладно, а как быть с деньгами? Я ведь тоже вроде как у вас на службе.

– Не у нас, а в ОПП. У них и спрашивайте.

– А вы с ними связывались? Говорили обо мне?

– Откуда мне знать? Велено было помочь с жильем, это я и сделал.

Тон полицейского Виктору совершенно не понравился. Такого он не ожидал.

– Я что, не имею права на помощь? Меня уже несколько раз пытались грохнуть!

– Вашего брата выручать – ног и рук не напасешься... – собеседник брезгливо шевельнул носом, из чего можно было сделать вывод, что пахнет от Виктора не самым лучшим образом. Да он и выглядел соответствующе: к обильному птичьему помету и разводам апельсинового сока можно было приплюсовать слезящиеся глаза, ссадины на лице и основательно припухшую нижнюю губу. Самолюбие Виктора оказалось задето.

– Слушай, друг, а тебя в твоей полицейской академии не учили вежливо разговаривать?

– Вас что-то не устраивает?

– Ты меня не устраиваешь! Ты! – Виктор сорвался. – Ты и твой тон! Меня только что окатили какой-то ядовитой дрянью, дважды огрели железякой по голове, обчистили самым паскудным образом, а ты меня по сути на хер посылаешь! Типа, расходный материал, так? Чего с таким разговаривать, верно? Какого, на хрен, сочувствия он еще требует! Так или не так?

– Это со своими дружками из ОПП обсуди, – полицейский глянул на него с усталым небрежением. – Ночлег тебе обеспечили? Все! Больше я тебе ничего не должен.

– А то, что меня ограбили в квартале отсюда и еще раз выпотрошили практически у крыльца этого гадюшника, это тебя не касается?

– Такая уж у тебя паршивая работа. Мне за нее не платят.

– Да-а... Я-то считал, мы делаем одно дело, – горько усмехнулся Виктор.

– В чем-то ты, видно, ошибся, – полицейский развернулся и торопливым шагом двинулся к выходу. Стискивая и разжимая пальцы, Виктор проводил его слезящимися глазами.

Вот так, сеньор Пиццеренко! Полицейскому ты тоже не понравился. Как знать, не будь на нем этой ладной формы и серебристой бляхи, возможно, и он с удовольствием приложился бы к твоей физиономии чем-нибудь потяжелее...

– Вижу, на копов ишачишь? – в окошечке маячила лысая голова администратора.

– Тебе-то что?

– Мне-то плевать, но у нас здесь таких не любят, заруби себе это на носу. Начнешь фортеля крутить, до утра не протянешь.

– Пошел-ка ты... – Виктор пробормотал это по-русски, но гостиничный ветеран его понял. Юркнув в свое логово, он что-то сердито забубнил себе под нос.

Чуть помешкав, Виктор двинулся вверх по лестнице, в названный ему номер.

Прежде чем отправиться спать, он предпринял поход в замызганный туалет, где долго отшоркивал одежду и отмывался сам. После той едкой аэрозоли, пущенной в лицо, в гортани до сих пор першило, глаза еще более покраснелись, максимально приблизив внешность к стандарту похмельного синдрома. Закапав в глаза лекарство, донор кое-как проморгался, после чего хмуро осмотрел себя в желтоватом настенном зеркале. Бродяжка, алкоголик, наркоман – он походил на всех троих сразу, а о том, чтобы полностью вычистить одежду, нечего было и думать. Птичий помет оказался штукой довольно въедливой, и Виктор всерьез усомнился, возьмет ли его самый крепкий растворитель. В довершение всего неожиданно перестала бежать вода, и, плюнув на прачечные дела, донор отправился в комнатку, где посапывало еще пятеро гавриков. Ну, да его место у самой двери, еще и кровать какая-то скособоченная. А чего он ждал? Пятизвездочного отеля с бассейном и услугой «все включено»? Ночлежка – она и есть ночлежка. Уже хорошо, что есть крыша над головой – по крайней мере, кирпич или цветочный горшок сверху не свалятся. Разве что метеорит жахнет, но от этого нигде не убережешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.